

Н.Томдаков

421224

Учитель

НОВИНКИ ПРОЛЕТАРСКО - КОЛХОЗНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Н. Т О Щ А К О В

УЧИТЕЛЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗД-ВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ЛЕНИНГРАД ● 1931 ● МОСКВА

Обложка работы Павловского.

7-я типография
ОГИЗ'а РСФСР
им. Бухарина
Ленинград,
ул. Моисеенко, 10

—
Зак. 1320.

Ленинградский Областлит № 3873. X. 20. Формат № 1013/л.76 × 100 —
Тираж 10000.

ГЛАВА I

1

Дмитрий радостно говорил о новой деревне, о том, как неузнаваемы стали эти с детства знакомые пространства. Но Серафиму по прежнему пугала неуживчивость деревенских жителей, драки по праздникам, грязь. И казалась непонятной эта погоня за нарядом, вечное стремление вырядиться на гулянье безвкусно и неряшливо, но какой угодно ценой, хотя бы ценой голода.

Дмитрий много работал на сенокосе, бродил в лесах, но всюду не покидала его одна мысль — куда назначит осенью Губоно. Ему хотелось настоящей работы. Он любил свое дело. Он считал его ответственным и важным.

— Мне кажется, — говорил он жене, — что я еще не жил. Вот теперь начинается настоящее. Ты счастлива?

Серафима поцеловала его.

— Я много думаю о том, как сложится наша личная жизнь.

— Стоит ли об этом думать? — ответил Дмитрий. — Важно крепко с задором работать, так, чтобы кругом радовались, глядя на тебя.

В конце августа пришла бумажка о том, что Дмитрий назначен преподавателем второй ступени в фабричном поселке. Лет пятнадцать тому назад на бумажную фабрику, отстоящую от его деревни верстах в сорока, Дмитрий, тогда ученик городского училища, ездил с экскурсией.

— Там была такая скученность, грязь, духота! — говорил он Серафиме.

До начала занятий оставалось дней десять. В школе шел ремонт, и занятия затягивались. Дмитрий видел только заведующего школой — Хрисанфа Игнатьевича Парыгина, остальные учителя проводили лето где-то вне фабричного поселка. Высокий, статный, с рыжими реденькими волосами, пышными усами, с маленькими глазками, глубоко сидящими под густыми бровями, Парыгин не понравился Дмитрию.

«Ну и пусть — решил Дмитрий. — Раз заведующий работает пятнадцать лет, значит человек стоящий.

Поселок разросся после революции необычайно. Дмитрий ребенком знал лишь одну улицу, тянущуюся от фабрики. Теперь поселок разметался в разные стороны, в центре выросло новое каменное здание — Нардом: его не было при старом хозяине. Ветка соединяла двор фабрики с железной дорогой. Когда-то бумагу и целлюлозу переправляли на станцию на лошадях. Вдоль ветки растянулся ряд светлых новых домов. В одном из них поселился Дмитрий с Серафимой, им были уступлены излишки жилплощади — одна комната; хозяин квартиры, рабочий фабрики, занимал две остальные. Один из хозяйских ребят — Генко учился в третьей группе первой ступени, другой ребенок — Капушка ходила на детскую площадку. Дмитрий возился с ними, поражаясь их развитостью. У ребят был свой угол, в который они тащили: старые инструменты, болты, гайки, гвозди. Генко мастерил машины, а Капушка возилась с картинками, цветами.

На фабрике, когда Дмитрий брал пропуск, его окликнул широкий, полный мужчина. Он добродушно подал руку.

— Учитель нашей школы?

Дмитрий был в деревенских сапогах и сукон-

ном тяжелом пиджаке. Он больше походил на сезонника, чем на учителя.

— Предфабкома — Иван Григорьевич... По-знакомимся.

Они вместе пошли по отделам. Иван Григорьевич рассказывал о переменах за последнее время, показывал новые бумажные машины, привезенные из Германии, поставленные в новом широком и светлом зале.

— Вместо двух плохеньких машин — теперь пять, да каких!

По ситам и сукнам машин бежала жидкая ровная древесная масса, клубился пар от сушильных барабанов. Масса густела, свертывалась, утончалась, проходила под цилиндрические пресса, вытягивалась лентой, исчезала, и в конце машины теплая, пахучая бумага наматывалась на катушки. Медленно и неумолимо подползал электрический кран и как перышко брал тяжесть — новую катушку.

— В этом зале, — Иван Григорьевич указал на стену в рамах, — думаем поставить цветы. Чтобы плюнуть совестно было.

— Будет тебе врать, Ваня, — перебил предфабкома рабочий у машин.

— Серьезно, Арефьич. Честное слово.

Миновали целлюлозный отдел, варочный, древесномассный, где были еще грязь, теснота, духота и трудно было дышать.

Прошли в упаковочный отдел, а оттуда на электростанцию.

— Вот наша гордость! — тащил Дмитрия за рукав Иван Григорьевич. — Она, матушка, восемьсот тысяч стоит.

Двор был загроможден строительным материалом. Раскинулись сходни, балки, леса. Новый машинный зал блестел на солнце, выпирая из здания фабрики стеклянной крышей; серое — из железобетона — здание электростанции тянулось к небу.

Тяжелыми кирпичными башнями паровая засела в землю и от нее неслись вагонетки подвешенной дороги, казавшиеся внизу маленькими. Бурые волны дыма и пара широкой лентой поднимались вверх.

— Я рад, что попал в фабричный район, — говорил после Дмитрий жене. — Здесь все ново. И новые люди. А главное — простые: директор — Сережка, предфабкома — Ваня. Старые хозяева им в подметки не годятся! — восхищался Дмитрий.

2

Начались занятия. Дмитрий задолго перед уроком обдумывал свои первые шаги в классе. Он решил, что составить какой бы то ни было план работы на первый час нельзя. Надо было узнать ребят, ознакомиться с их подготовкой, заинтересовать, увлечь и настойчиво двигаться вперед, все более и более расширяя круг знаний. •

Хрисанф Игнатьевич проводил Дмитрия в класс. В коридоре слышно было, как гудят ребята. Но Дмитрия поразила тишина неестественная и напряженная, которой был встречен заведывающий.

— Ваш новый учитель математики — Дмитрий Васильевич, — сказал заведующий ребятам.

Никто ничего не ответил и ни о чем не спросил. Хрисанф Игнатьевич, оставив Дмитрия наедине с ребятами ушел. С чего начать?

Раз пять в институте он давал пробные уроки, когда прорабатывали методику. Тогда его и других студентов интересовало главным образом умение последовательно располагать материал и дать за час законченный выпуклый отрезок программы. После пробные уроки разбирались на конференциях. Шумели, спорили и на следующий день забывали ребят, которых наблюдали вчера, переходя в другие группы. Тогда не было ни ответственности, ни необходимости исправлять ошибки,

ни вести группу дальше. Обыкновенно, основные преподаватели прорабатывали снова с ребятами проведенную студентом тему. Сейчас за Дмитрием в выжидающей напряженной тишине следили глаза целого детского отряда.

Он на мгновение замялся, не зная с чего начать, каким языком говорить. Ребята молча следили за новым учителем и решали про себя, будет ли он добрым и верным товарищем или взыскательным, строгим педагогом, равнодушным к просьбам, горестям и радостям учеников. Дмитрий видел, что ребят поражала внешняя непохожесть его на других учителей. Перед ними был не чистенький, аккуратный человек, каким они привыкли видеть учителя, а загорелый, длинный верзила в тяжелых салогах, выцветшем пиджаке, с большими рабочими руками.

Дмитрий чувствовал, что дальнейшее промедление уже будет натянутым, неловким, скомкает начало его работы, сорвет товарищеские отношения с ребятами, к которым он стремился.

Он обвел глазами класс и спросил, обращаясь ко всей группе:

— Так что ж, ребята, будем работать?

— Будем! — весело откликнулся мальчик на передней парте и взмахнул руками перед открытой тетрадью.

Сзади поднялся тонкий подросток с большим, изрытым оспой лицом и спросил:

— Проверять, Дмитрий Васильевич, будете, что в прошлом году проходили?

— А что?

За отдельными столами засмеялись. Дмитрий понял, что этот высокий подросток или шут всего класса, или великий сторонник правдивости.

— Иные девочки ничего не знают, а их перевели, — ответил подросток.

За средним столом, зардевшись, встала малень-

кая крепкая девочка с блестящими бегающими глазами.

— Это, Дмитрий Васильевич, Кондаков на меня намекает. В прошлом году все придирался и нынче начинает. Вовсе я не хуже всех знаю по математике. Есть и меня хуже... — И села на место, зашептавшись со своей соседкой.

Дмитрий успокоил ее и попросил не шептаться, а говорить вслух, что еще она хочет сказать. Девочка замолчала. Дмитрий подошел к Кондакову.

— Твоя фамилия Кондаков?

— Да.

— А имя?

— Николай.

— Так что же, Кондаков, ребята ничего не делают? И все же переходят из группы в группу?

— Конечно. В особенности девчонки. Каждый день в кино ходят, уроки не учат, а потом плачут... Им учителя и выставляют зачеты.

Девочка хотела было встать и вновь вмешаться в рассуждения Кондакова, но Дмитрий остановил ее.

— Все подтвердят! — на весь класс сказал мальчик за передним столом. Ему должно быть давно уже хотелось что-нибудь сказать, а не заниматься разбором пустяков, так определил он про себя поведение нового учителя.

В защиту Беляевой зашумела женская половина класса.

— Всегда нападают!... Кондаков да Афонин только смеются!..

— Вон Гуляев всех лучше учится, а никогда не дразнится!..

Дмитрий остановил шумевших.

— Кто Афонин?

Встал мальчик с передней парты.

— А Гуляев?

— Я, — ответил из середины тонкий голос. Вы-

тянулся бледный, сухощавый паренек с подавленным выражением лица.

— Говорят, что ты хорошо занимаешься? Это правда? — спросил Дмитрий.

— Я почему знаю! — грубовато ответил паренек.

— Он решает каждую задачу! — заметила одна девочка.

— Верно! — загудели ребята.

— Это что же?.. У вас всегда такой ералаш?

Опять встал Кондаков и разъяснил:

— Шумят не у всех. У заведующего на химии не нашумишь..

— Пора начинать, — подумал Дмитрий.

— Вот что ребята.. Для начала не плохо будет проверить знания. С теми, кто в науках слабоват, я буду заниматься отдельно.

— Правильно, Дмитрий Васильевич! — ответила весело группа.

— Я тоже буду заниматься, — сказала Беляева.

— С тебя и начнем, — предложил Дмитрий.

— Все равно не решит, — буркнул Кондаков, когда Беляева шла к доске решать данную Дмитрием задачу.

Дмитрий дал нетрудную задачу на проценты. Таня, поняв задачу, оживленно заработала мелом. Ободренная, она села на место.

— Спросите меня, Дмитрий Васильевич! — подняла руку тоненькая в стареньком ситцевом платьице остроносенькая девочка.

— Она знает. Ей охота себя показать, — крикнул Афонин.

Девочка писала на доске старательно, стирала тряпкой плохо написанные цифры, последовательно подходя к решению. Группа следила за ее работой. Дмитрий видел, как многие исправляли свое и делали так, как писала Петрова.

Он спросил еще кой-кого устно, вглядываясь в ребят, изучая их. Ребята держались свободно, но не развязно. К концу урока они познакомились.

Распрощался Дмитрий с ребятами дружески.

Следующий урок был в старшей группе «А». Когда он вошел в класс, здороваясь, учащиеся быстро и шумно встали со своих мест. Дмитрий насторожился. В середине класса по правой стороне у окна выделялась группа девушек в светлых кофточках. Кой-кто из юношей был одет в франтоватые костюмы. У двух-трех девушек были густо напудрены лица. Явно чувствовалось различие между этой и предыдущей группами.

Дмитрия оглядывали с нескрываемой насмешкой. Он решил, что здесь установить товарищеские отношения будет трудно, и потому сразу же стал проводить беседу по программе о логарифмах.

Урок шел монотонно, без живой связи с учащимися, походил на утомительную лекцию. Дмитрий раза два порывался заставить самих учащихся вывести уже подготовленный рядом действий закон, но неудачно.

Румяный парень на передней парте изогнувшись дугой с великим хладнокровием заносил в тетрадь все написанное на доске Дмитрием. Это не мешало парню передавать окружающим его девицам коротенькие записочки, после прочтения которых соседки улыбались. Парень хранил невозмутимое спокойствие и с самым серьезным лицом смотрел на нового учителя. Дмитрий пытался проверить знания, вызвал двух девочек и одного мальчугана, но ничего не добился. Девочки вежливо постояли у доски и смущенные торопливо ушли на свои места. Мальчуган решительно начал писать что-то несуразное. Класс хохотал. Тогда с передней парты поднялся подросток с живыми, решительными глазами и попросил разрешения исправить сделанную его товарищем ошибку. Он дельно вывел правило, касающееся логарифма множителей.

Дмитрия с урока проводили свистом,

В учительской в перемену Дмитрий чувствовал какую-то настороженность. Учителя застывали, возвращаясь из класса. Они садились по местам, за широкий тяжелый стол, стоявший посреди комнаты и неохотно обменивались словом. Но скоро Дмитрий заметил, что тишина, настороженность появлялись лишь с приходом заведующего. Хрисанф Игнатьевич уже на пороге учительской, строго оглядывал всех и, молча, ни с кем не здороваясь, проходил к своему месту, за письменным столом. Здесь он рылся в свежих бумагах, принесенных с почты, вскрывал конверты, читал. Часть бумаг тут же запирали в стол, остальные передавал секретарю. Раиса Павловна — секретарь — она же учительница рукоделия, почтительно прочитывала бумагу, отмечала, что нужно по ней сделать и незамедлительно подшивала к «делу». Два шкафа были завалены делами. Раиса Павловна работала аккуратно, вежливо, неторопливо. Отношения у ней с Парыгиным были самые любезные.

Дмитрий не понимал, что заставляло учителей умолкать с приходом заведующего? Что за странная боязнь? — думал он. Даже толстый физик Ермолаев, без умолку болтавший с товарищами по работе, смолкал, как только появлялся Хрисанф Игнатьевич. Евгений Иванович Татьянин — учитель рисования — минуту тому назад смеявшийся его болтовне — он как-то по особому тонко хихикал, — ерзал на месте и сразу обрывал свой смех. Братья Зайцевы — Иннокентий Фомич и Викентий Фомич — естествовед и словесник, уныло погружались в разглядывание ученических тетрадей. Роза Исаевна — младшая естествоведка, смиренно подходила к заведующему обычно с вопросом, касающимся методики. Хрисанф Игнатьевич, важно расправив усы, пространно объяснял ей. Речь Парыгина словно служила сигналом.

Евгений Иванович вновь начинал хихикать и тоже подходил к столу заведующего.

— Опять история у Розы Исаевны с историей обезьяны? — пытался острить он.

— Ха-ха-ха! — поощрительно хохотал Хрисанф Игнатьевич.

Ермолаев и братья Зайцевы вторили смеху зава.

Но упорно молчали преподавательница немецкого языка Луиза Карловна и географ Василий Алексеевич. Обществовед — Бирюков, молодой парень, из рабочих, недавно кончивший совпартшколу, так же как и Дмитрий, недоуменно сидел в учительской, приглядываясь к учителям.

Звонок, торопивший на занятия, обрывал напряженность в учительской, и точно обрадованные, освободившиеся от гнета учителя мгновенно разбежались по классам.

Дмитрий, придя домой, делился с Серафимой о первых шагах в школе.

— Не обращай внимания. Делай свое дело и ладно, — говорила Серафима.

— Все учащиеся разбиты на черненьких и беленьких. В группах «А» чистенькие лица, а в группах «Б» какие-то заброшенные. Коллектив учителей не сплоченный, люди разные, как будто только думавшие о своем заработке, а не о школе.

— Полно судить с первого взгляда, — оборвала Дмитрия Серафима. — Ты о себе позаботься.

— А что?

— Стыдно на тебя посмотреть. Ходишь как нищий, заплатанный.

— Получу деньги, куплю чего-нибудь.

— Не чего-нибудь, а завести надо костюм, чтоб не оглядываться, не светится ли где

Дмитрий с удивлением поглядел на Серафиму. Еще недавно таких речей не было.

— Нет, уж лучше я тебе куплю туфли, — попробовал выйти из спора Дмитрий.

Серафима отпарировала:

-- Пора, милый. Я думала ты сам догадаешься. Неприлично на улице показаться.

— Я думаю о работе. Будет работа, явится само собой остальное.

Серафима вынула из портмонэ узкую полоску бумаги — длинный список вещей, намеченных к приобретению. Дмитрий решил, что он будет отдавать деньги жене. Пусть распоряжается.

Как-то после занятий его зазвал к себе физик Ермолаев. По дороге разговорились.

— А вы, голубчик, не к месту попали, — заметил Ермолаев, когда они были уже в квартире.

— Почему?

— Не подходите вы к нам. Я сразу заметил. Мы учителя — люди тертые. Семинарию, бурсу прошли. Столетиями, так сказать, к служению отечеству подготавливались, — игриво похохатывал Ермолаев.

— А вот и закусочка! — воскликнул он, завидя жену из кухни, несшую графинчик водки и закуску.

— Выпивахом?

— Нет, — ответил Дмитрий.

— Что вы, в нашем деле нельзя! Нервишки гулять будут. Хлопнешь из дедовского стаканчика — из полумерочки, закусишь соленьким, ну и забыл все эти формулы, законы и прочие творения от Архимеда до Эдиссона. — Ермолаев, блаженствуя, разливал водку и расставлял закуски.

Жена его — учительница первой ступени, улыбалась Дмитрию и приглашала сесть за стол. Улыбка этой женщины была просяще-страдальческой и Дмитрий не мог отказать ей и сел за стол вместе с Ермолаевым.

— Вот я и говорю своей жене. Приехал к нам сын земли, парень от самых черноземных недр. В комнату не войдет. Просит приведи. Ну будем знакомы, — Ермолаев протянул стопочку Дмитрию.

— А как вам наши порядочки понравились? — спросил Ермолаев.

— Школа, как школа, — увильнул от вопроса Дмитрий. — Подготовка еще плохая, от прошлых годов разрухи. Ну, а теперь — налаживается.

— Вот именно, — масляно улыбаясь, подтвердил Ермолаев. — Нельзя все сразу. Тише едешь — дальше будешь.

— Возьмем Синицына Васю — географа — работает с прошлого года. Сгорел в один год. Занятия с отстающими, общественная работа в деревне, в красных уголках на фабрике, спектакли... Ну и сгорел.

Дмитрий насторожился.

— Наш папаша — Хрисанф Игнатьевич знает дело. Раз парню охота себя показать — пожалуйста. Даст ему одну нагрузочку, другую. На родительском собрании или школьном совете Васе Синицыну похвальное слово. Вася старается, общественная работа школы лезет в высь: все довольны.

Ермолаев хмелел. Жена незаметно спрятала графинчик в буфет. Ермолаев запротестовал.

— Э, милая. Выпивахом, но не беззаконовахом. — И заставил жену налить еще по стопке.

Дмитрий молчал. Ермолаев крыл учителей, фабричных работников, общественников. Ругнул за крутой нрав Хрисанфа Игнатьевича, назвал подхалимом Евгения Ивановича, окрестил трусами и слюнтяями братьев Зайцевых, бросил скабрзность по адресу Луизы Карловны, причислил Розу Исаевну и Раису Павловну к шпионам Парыгина, и в заключение обозвал болваном Синицына.

— А теперь, женушка спать, спать! — потянулся Ермолаев и попрощался с Дмитрием.

4

Вечерами, по субботам учителя собирались в красном уголке при школе первой ступени. Дмитрий звал Серафиму, но она отказывалась: у нее

не было хороших чулок. Дмитрий угрюмый пошел один. Эти субботы Ермолаев охарактеризовал так:

— Пирожные, танцы, лото и пиво.

В тесной комнате были почти все просвещенцы поселка. Дмитрий сел рядом с Сеницыным. Начался вечер обыкновенно чаепитием. Бойкая Любовь Ивановна разнесла по стакану чая и угощала специально заказанным в городе пирожным. Дмитрия поразил тот азарт, с которым все набрасывались на еду.

— Так всегда. Точно никогда не ели, — шепнул Сеницын Дмитрию.

После чая начались игры. Человек десять засели за лото. Играли в шахматы и шашки. Иные уткнулись в газеты. Охотники плясать шли в зал. Загремел рояль и скоро понеслись пары танцующих.

Сеницын маленький, тонкий, со старческим сухоньким лицом, придвинулся к Дмитрию.

— Ермолаев, хотя и сплетник и пьяница, — сосредоточенно говорил Сеницын, — но умный парень, хитрец. В том, что я устал не велика беда.

— В чем же дело?

— В другом.

И, вдруг воодушевившись, заговорил быстро, напористо, как говорят о наболевшем, обдуманном до конца.

— Все молодое, сильное идет на производство. На фабрике творится новая жизнь. И странно на смену, на школу слишком мало обращают внимания. В школе едва заметен приток молодых, свежих сил. И вот среди просвещенцев духота, застой, рутинка, обывательщина. Эти танцующие пары отпрыски епархиальных училищ, духовных семинарий, гимназий, люди, которые равнодушны ко всему, какое им дело до нового, да они и не понимают его. Это стало ясно мне еще в прошлом году.

Сеницын криво улыбнулся.

— Я — крестьянский сынок. Не умею бороться.

ся — нет коллективистических навыков. И потом очень мало знаю, несмотря на то, что я окончил географический институт. Сельская школа, скоро-спелая подготовка в вуз и институт. Шесть-семь лет учебы и никакого воспитания.

От танцующих пар отделилась Любовь Ивановна и подошла к Дмитрию.

— Разрешите пригласить на вальс.

Дмитрий смеясь встал.

— К сожалению в городском училище меня не научили танцевать. Но, если вы согласитесь поучить, я с удовольствием.

И Дмитрий оставил Синицына, уткнувшегося в книгу.

— Раз, два, три, — командовала Любовь Ивановна, обняв Дмитрия и кружась с ним. Дмитрий неуклюже подвигался вперед.

— В глубокой теснине Дарьяла, где роется Терек во мгле, — напевал учитель пения Герман Тарасович, несясь со своей дамой и обгоняя Дмитрия.

— Голова закружилась, — остановил Дмитрий Любовь Ивановну, — спасибо за науку. Еще один, такой урок и я сделаюсь заправским кавалером.

Зайцев предложил Дмитрию сыграть партию в шахматы. Подвинув первую пешку, он сказал:

— И так, начинается учебный год. Я как будто и не отдыхал. Учительский труд — ужасная вещь. Вечно думаешь о программах, учениках. Поживете с наше узнаете. У меня вечно болят виски, — мигрень.

— Ваш ход, — прервал Дмитрий.

Зайцев потянулся за конем.

ГЛАВА II

1

Присмотревшись к школе Дмитрий понял, что Синицын был прав. Он будет здесь чужим, нежелательным свидетелем казенщины, рутины, Учи-

теля приходили утром на работу и сразу расходились по домам, как только кончались уроки. Один лишь Хрисанф Игнатьевич жил при школе. — после занятий он надзирал за уборщицами, наводившими чистоту и блеск в классах. Школа занимала большое двухэтажное каменное здание. Светлые комнаты ее были просторны. Хрисанф Игнатьевич чувствовал себя в школе как дома, и за пятнадцать лет не было еще случая, чтобы он пропустил занятия.

Как-то после уроков Хрисанф Игнатьевич показывал Дмитрию школу. Его класс был полон склянок, приборов, реактивов. Хрисанф Игнатьевич любил и лелеял свой предмет. В каждой комнате стояли тщательно запертые шкафы, полные всякого школьного добра. Хрисанф Игнатьевич знал его наперечет. Распрошавшись в тот раз Парыгин с Дмитрием мягко, обещая помощь советом, просил не смущаться отдельными промахами, работать трудолюбиво, с любовью к делу.

— Вы только начинаете педагогическую деятельность, а она так сложна, — говорил Хрисанф Игнатьевич, пожимая руку Дмитрию. — Будете ошибаться, не волнуйтесь, обдумайте как следует и снова принимайтесь за дело.

Но все же, несмотря на кажущуюся приветливость, Дмитрий улавливал в глазах Парыгина холодные, злые огоньки.

Недели через две после начала занятий Хрисанф Игнатьевич обходил классы. Ермолаев слутил:

— Се грядет царь...

Луиза Карловна нервничала. У нее на уроках особенно шумно вели себя ребята.

— Почему же когда я вошел в класс, стало тихо?

— Вас боятся, — смущенно ответила Луиза Карловна.

Парыгин насупил брови.

— Я умею вести себя со школьниками. Вам следует поучиться.

Луиза Карловна не нашлась, что ответить и замолчала. Никто из учителей не поддержал ее.

Из класса обществоведа Бирюкова Хрисанф Игнатьевич пришел возмущенный. Он шумел, не стесняясь преподавателей.

— Вы партиец, а ребята у вас не знают в чем отличие Второго Интернационала от Третьего. Это безобразие. Надо, дорогой товарищ, подготавливаться к урокам тщательно.

— Позвольте Хрисанф Игнатьевич, — останавливал безуспешно Парыгина Бирюков. — Вы просто спросили отстающего ученика.

Парыгин не унимался:

— Молодой человек! Не имея достаточно опыта в педагогике, опасно брать на себя такое ответственное занятие — учить массы.

— Я также отвечаю за работу, как и вы, — защищался Бирюков.

— С меня не спросят кто учил, а чему научили, — оборвал Хрисанф Игнатьевич. — Я знаю каждого ученика своей школы. Зубарев, которого я спросил, отлично идет по химии, естествоведению, это развитой мальчик, и вдруг по обществоведению он отстающий, на что это похоже?

Бирюков мялся, краснел и оглядывался на преподавателей. Евгений Иванович хихикал. Роза Исаевна печально глядела на обществоведа, Раиса Павловна снисходительно улыбалась: у нее на уроках рукоделия обстояло все благополучно. Бирюков неожиданно вспыхнул и, хлопнув дверь, прокричал:

— Я хоть и молод и может быть глуп и не знаю ни черта в педагогике, но я твердо уверен в том, что все вы здесь не стоите и руки рабочего парня.

В учительской опешили от такой выходки Бирюкова. Хрисанф Игнатьевич хранил невозмутимое спокойствие.

— Ну и чудак! — соболезнующе произнес Иннокентий Фомич.

— Хи-хи-хи, — засмеялся Татьянин.

— В райкоме дадут взбучку за срыв занятий, — важно сказал Парыгин и, оглянувшись на Синицына и Дмитрия, добавил:

— Молодые учителя должны терпеливо учиться работать. Нет ничего глупее, как обидеться и хлопнуть дверью.

— Совершенно справедливо, — поддакнул Ермолаев. — Помните бывало в реальном накричит директор. Ай, ай... Стоишь руки по швам, ни слова в ответ.

Учителя учтиво кивали головами и вслед за Ермолаевым вспоминали о «добром старом времени», когда программы не менялись каждый год и авторитет учителя стоял высоко. Дмитрий слушал и не верил своим ушам. Это в советской школе на десятом году революции! Наклонив голову, чтобы не показать заблестевшие глаза, он хмуро проговорил:

— Что же вы, вспоминая, как о потерянной обетованной земле гимназию и реальное, пошли работать в советскую вторую ступень? Ушли бы из школы и все.

Хрисанф Игнатьевич насторожился. Он оскалил зубы, улыбнулся, расправил усы и стал похож на кота, остановившегося перед добычей, которая все равно не уйдет от него.

— Вы не понимаете, Дмитрий Васильевич. И Алексей Михайлович и Иннокентий Фомич вспоминают только достоинства в постановке дела старой школы. В этом вся суть. Наша советская школа еще молода. Недостатков много, опыта мало.

— Конечно, — сухо согласился Дмитрий.

Прозвенел звонок. Учителя встали. Синицын, идя с Дмитрием к классам, говорил:

— В прошлом году Хрисанф Игнатьевич насел

на меня, побывав на моих уроках. Вам тоже предстоит выдержать с ним бой.

— Что ж, выдержу, — сказал Дмитрий.

— Это его метод борьбы с молодежью, — с дрожью в голосе добавил Сеницын.

— Так надо бороться, кричать, доказывать. Если понадобится — выбросить его вон.

Василий Алексеевич махнул рукой.

— Пробовал. Кричал, доказывал. И ни у кого не нашел поддержки.

— Надо начинать сначала.

— Снова? Нет, Дмитрий Васильевич, я устал, — Сеницын повернул к своей аудитории.

На другой день пришел Бирюков. У него был вид побитого щенка.

— Как дела, Иван Степанович? — насмешливо спросил Ермолаев.

— Парыгин был в райкоме, — хмуро ответил Бирюков.

Вошедший Хрисанф Игнатьевич спокойно поздоровался с Бирюковым.

— Вы извините меня за резкость, когда я указывал вам на недостатки работы, но право же и вы выкинули мальчишескую выходку, Иван Степанович. — Парыгин отечески похлопал по плечу Бирюкова.

2

За месяц до годовщины Октября Хрисанф Игнатьевич предложил:

— Надо устроить два вечера для младших и старших групп. Вы подготовите пьесу, Евгений Иванович, — обратился он к Татьянину.

— Все будет сделано, — с благоговением ответил тот.

— Пьесу выбрать поможет вам Викентий Фомич. — Викентий Фомич подобострастно кивнул головой.

— Нарисуйте плакаты, украсьте сцену и зал.

— Для здания я думаю приспособить прошлогоднюю конструкцию, — добавил Евгений Иванович.

Раиса Павловна обещала вышить к десятой годовщине новое знамя. Когда Парыгин предложил Татьянину сделать рисунок для знамени, педагог неожиданно для Дмитрия потребовал плату за проект. Парыгин с достоинством ответил:

— Наша школа достаточно богата, и вы великолепно знаете, Евгений Иванович, что комсод заплатит.

Дмитрий узнал, что Татьянин — единственный художник в районе — каждый год перед революционными праздниками дерет с учреждений огромные суммы за плакаты, портреты вождей и конструкции, так называл он крашенные переплеты из брусков и фанеры, с вырезанными или написанными на дереве соответствующими дню лозунгами. До революции Татьянин подрабатывал в церквях, рисуя лики святителей.

— Вы вот на защите, так сказать, стояли. Были красноармейцем, — философствовал Ермолаев. — Различаете вы старое от нового? К услугам все что угодно от вина до конфет, а в карманах у людей по разному. — И Ермолаев разводил в недоумении руками.

— У нас восстановительный период. Мы крепкими шагами идем к социализму, — ответил Дмитрий. — Придет время.

— Дождетесь? — ухмыльнулся Ермолаев.

В разговор вмешался Иннокентий Фомич.

— Я давно думаю... — Ну для чего была сделана вся эта встряска?

— Довольно, — оборвал Хрисанф Игнатьевич, уставившись на учителей круглыми глазами, точно у филина. И непонятно было — не то он смеется, не то серьезен.

Дмитрия покорило, но он промолчал.

В этот же день Татьяна выбрал с Зайцевым пьесу и оповестил членов драмкружка о предстоящей репетиции.

На другой день в коридоре Дмитрия остановил ученик шестой группы «Б», Кондаков. Он запыхавшись, негодуя, забросал словами учителя.

— Дмитрий Васильевич!.. Нас не хотят... На сцену берут только из группы «А». Раз те ребята развитее, так наши и не годятся? Мы тоже хотим работать в драмкружке, Дмитрий Васильевич.

— Объясни потолковее, передохни, — остановил Кондакова Дмитрий.

— Мы, Дмитрий Васильевич, хотим также подготовить к десятой годовщине пьесу.

— Кто мы?

— Наша группа, седьмая «Б», ну и пятая.

— Так в чем же дело? Разве в драмкружок не принимают всех, кто может играть на сцене? — спросил Дмитрий.

Кондаков безнадежно махнул рукой.

— Нет, не принимают. Я второй год состою. Ни одной роли не дали. Как начну, смеются. Выговор у меня плохой. Вот только заставляют декорации таскать.

— Так что же ты от меня хочешь?

— Давайте поставим с вами, Дмитрий Васильевич, — возбужденно предложил Кондаков, горя нетерпением побывать на сцене.

— А верно, — подумал Дмитрий. — Ведь безобразие...

— Ладно, я поговорю с заведующим, — согласился Дмитрий.

Когда же он сообщил Хрисанфу Игнатьевичу о желании поставить еще пьесу, заведующий с удивлением посмотрел на Дмитрия.

— Разве программа мала будет? Евгений Иванович готовит пьесу. Викентий Фомич несколько стихотворений, а Герман Тарасович номера пения. Что еще надо?

— Группа учащихся, еще никогда не игравших на сцене, хочет испытать свои силы, — ответил Дмитрий.

— Кто? — резко спросил Парыгин.

— Из шестой «Б», Кондаков.

— Отстаньте вы со своим Кондаковым. Ему надо еще учиться, а не валять на сцене дурака. Какой он артист, — ходить не умеет. Что вы, Дмитрий Васильевич. Хотите испортить вечер, выступив с неподготовленными учащимися. У нас драмкружок, под руководством Евгения Ивановича, работает прекрасно. Будут гости, родители. Я не хочу быть посмешищем. У нас в школе каждый революционный праздник проходит торжественно, красиво, благополучно... — зло говорил Хрисанф Игнатьевич, наседая на Дмитрия.

— Что бы вы ни говорили, а я буду готовить с ребятами пьесу, — сдерживаясь от охватившей злобы к Парыгину, ответил Дмитрий.

— Это анархия! Не паз-волю!.. Вы еще, малыды. Вы недостаточно знаете школу. Маленький неверный шаг в руководстве приносит часто пагубные плоды. Сегодня один захотел, завтра другой. И пойдет.

— Единой семьи у вас нет — оборвал эту tiradu Дмитрий.

Угрожающие глаза вздулись, застыли жилы на лбу и шее Хрисанфа Игнатьевича, лицо побагровело, и Дмитрий с каким-то радостным возбуждением подумал: «Вот он меня сейчас ударит». Дмитрий едва удерживался, чтобы не схватить эту белую, толстую шею, с рыжими волосами на загривке. Но Хрисанф Игнатьевич повернулся на каблуках и прорывав: — не позволю, — вышел.

Дмитрий вздохнул. Хорошо, теперь выяснилось по крайней мере положение. Они враги.

Дмитрий был один в учительской. Занятия уже кончились и школа была тиха и пустынна. Он оделся и вышел на улицу.

Серафима разразилась упреками, когда Дмитрий рассказал ей о столкновении с Парыгиным.

— Не прошло месяца как ты здесь и уже — скандал. Пойми мы бедны. Нужно накапливать, нужно жить в согласии со-всеми, а не задирать нос. Мыста, мол крестьяне, а вы старики никуда не годитесь. Маленький ты что ли, — не понимаешь, что твой задор смешон. Много ли ты еще работал?

Дмитрий с удивлением смотрел на Серафиму. Откуда такой пыл и что ей нужно, кто она такая? — спрашивал он себя. И он не мог ответить. Дмитрий видел ее и знал ее с полгода.

— Я тебе объяснил положение в школе. Как бы ты поступила? — спросил Дмитрий.

— Я не стала бы болтать о том, что была на фронте, защищала революцию и кончила новый вуз. Не надо рыпаться. Каждое дело идет своим путем и сразу его не своротишь. Нечего, Дмитрий, бузу затевать. Нам с тобой нало наконец начать жить. Болтаться по свету я не намерена.

— Но ведь так работать нельзя. Школа загнивает с Парыгиным, — резко ответил Дмитрий. — По твоему молчать и хихикать вместе со всеми.

Серафима уклонилась от дальнейшего разговора.

— Знаешь, я ходила в нарсуд. Меня через два три дня обещали принять на работу.

Она подошла к нему и обняла.

— Довольно... Ну обдумаешь и что-нибудь предпримешь. Нельзя же сразу.

3

С выбором пьесы вышла заминка. В школьной библиотеке были все пьесы или уже игранные раньше, или старые, негодные. Дмитрий не знал к тому же, какие пьесы более подходят для ребят. Викентий Фомич, работавший по литературе, пустился в такие длинные и путанные объяснения об

историческом и психологическом развитии русской литературы, что Дмитрий пришел в ужас, как преподает этот педагог, и какие знания от его бесед выносят ученики. Говорил Викентий Фомич, извиваясь, выделявая руками замысловатые круги и кривые. Любимыми и частыми словами его были: знаете ли, видите ли, понимаете ли, так и лились весенним дождичком эти словечки. После беседы с Зайцевым Дмитрий вынес убеждение, что если Бирюков, да и он сам слабы в педагогике, то все же могут стариков кое-чему научить. Как-то он сказал об этом Ивану Степановичу. Но парень только чертыхался и, наконец, в упор отрезал Дмитрию:

— А почему я знаю, кто ты такой? Тоже может быть будешь вертеть хвостом, как и все, перед Парыгиным.

— Будет, дурной, — не обидевшись на грубые слова Бирюкова, ответил Дмитрий. — Я чай деревенский парень — добавил он смеясь.

— Знаю деревню — проворчал Бирюков.

— Я хочу предложить организовать методический кружок, в котором и будем совместно учиться работать. Довольно выслушивать наскоки Парыгина — сказал на это Дмитрий.

«Я после завода только два года учился в совпартшколе. Много не знаю. Но в пределах школы я работать могу» — заговорил про себя Бирюков. Повидимому, он много думал за эти дни.

— Давай, создадим инициативную группу? — предложил Дмитрий.

— Что ж, ладно. Может что и выйдет — согласился тот.

Когда Дмитрий сказал в учительской о необходимости создания методического кружка, учителя по разному откликнулись на это. Иннокентий Фомич высказал недоумение по поводу расхождения методики естествоведения и русского языка и отказался за неимением времени.

— У меня тридцать часов в неделю, — отдохнуть некогда будет — закончил он.

Татьянин хихикнул. Ермолаев басовито пропел: — Химия, химия, сугубая химия. — И добавил: — винигрет получится.

Синицин нервно вскочил со стула, глянул на учителей загнанными усталыми глазами и, как бы защищаясь, выкрикнул:

— Надо изучить современного ребенка. Нельзя подходить к новому школьнику со старыми приемами. Хрисанф Игнатьевич, — обратился он к заведующему, — вы извините меня, но ваш метод работы запугивает ученика, убивает инициативу. Мы должны изучить ребенка с тем, чтобы дать ему полнейшую возможность сделаться работником труда и науки, — выпалил скороговоркой Василий Алексеевич и сел на место подавленный, вялый, разбитый.

Хрисанф Игнатьевич распушился. Он глубоко со свистом втянул в себя воздух и полупрезрительно, с чувством собственного достоинства ответил Синицину, обращаясь в его лице ко всем учителям:

— Я никогда не был против нововведений. Было бы это всем известно. Жизнь школы идет нормально. Ломать ее я не позволю. Никто не виноват, что, так называемые, новые учителя приходят работать в школу недоучками. Изучайте, применяйте любые методы, но только пожалуйста не кричите, не комкайте жизнь школы и не мешайте нам работать. А то у вас получается много крику, а дела мало. Самый большой процент неуспеваемости именно у Василия Алексеевича по географии, — закончил Хрисанф Игнатьевич.

И помолчав добавил, глядя на Дмитрия и Бирюкова:

— Мы посмотрим еще, товарищи, как будет обстоять дело с обществоведением и математикой.

— Посмотрим — в упор произнес Дмитрий.

В большую перемену ученик Кондаков вызвал в коридор Дмитрия.

— Дмитрий Васильевич, как же с постановкой? — волнуясь спросил он.

Его тесным кольцом окружили ребята. Шумя, отталкивая друг друга они наперебой кричали о том, что им тоже хочется играть на сцене. Тут были Афонин, Беляева, Петрова и другие, с которыми Дмитрий подружился с первых дней.

— Пьесы не могу ребята найти. Сегодня схожу в рабочую библиотеку и обязательно выберу — сказал Дмитрий напиравшим на него ребятам.

— У нас есть. Только вы будьте режиссером, а то толку не выйдет.

— Что у вас есть?

— Вот, — сунул Кондаков к носу Дмитрия тоненькую цветную книжечку.

То был сборник революционных песен, стихов и инсценировок.

— Мы уже выбрали и пьесу: «Правонарушители», — докладывал с восхищением Кондаков.

И пока Дмитрий рассматривал книгу, он, вновь переживая бурные чувства, навеянные книгой, захлебываясь от восторга, говорил обращаясь к ребятам:

— Сидят это они, беспризорники-то, на кладбище, а Васька и врет про живых покойников. . . Ямы, кресты, стреляют. Ну конечно девчонки в слезы. И вдруг Гришка Песков как ввалится. — «Здорово братцы!» — кричит.

— Ой! Как интересно — увлеклась Таня Беляева.

Дмитрий пробежал глазами оглавление и смотрел на окруживших ребят, сам загораясь их непосредственной задорной радостью. Кондаков возбужденно рассказывал:

— А потом, Дмитрий Васильевич, как поймали Гришку, да попал он в руки, какой серьезный стал, как начал работать. Ой, ой!

— Меня примите, — просилась Петрова, — я девочку, которая плачет сыграть.

— А я Ваську! — облюбовал себе роль Женя Стрелков, бойкий, черноглазый пионер.

— Прочитаем, прочитаем сначала, а потом и распределим роли, — зашумели ребята.

Дмитрий условился провести первую репетицию в своей студии. Ребята ушли, препираясь из-за ролей, шумно болтая о предстоящем вечере и их первом выступлении на сцене.

Хрисанф Игнатьевич пришел на репетицию в тот момент, когда возбужденные читкой пьесы ребята особенно шумели и нетерпеливо рвались сейчас же начать играть. Сразу все смолкли. Хрисанф Игнатьевич справился о пьесе, помолчал и ушел, не сказав ни слова. Вновь разбуженным роем загудели ребята. В нестройном гаме их Дмитрий начал распределять роли и указывать места для первой сцены. Наладились не сразу. Не хватило ролей. Но согласились на том, что лишние ребята могут увеличить число беспризорников, не имеющих слов. Двое просили разрешить им во время спектакля стоять у занавеса, раз не было им места, но они также хотели участвовать в представлении. Трое изъявили желание устанавливать декорации. В общем всем нашлось дело и ребята были довольны, шумливы и веселы.

Началась первая сцена. Григория Пескова — вожака беспризорников играл Кондаков. Он выучил заранее роль и, сам страшно похожий на беспризорника, вихрастый, в заплатанной рубашке, важно отчеканивал ответы «коменданту» — Афонину. Смех окружающих, прерывал игру. Кондаков возмущался и кричал на ребят.

— Тише вы! Не мешайте играть.

Смолкали и снова покатывались со смеху, когда солдаты, обыскивавшие Гришку — Кондакова в самом деле вытащили полпачки папирос.

— Вот не ожидал, — заметил Дмитрий,

Кондаков покраснел. Ребята хохотали. Дмитрий взял папиросы.

— Обещай, что не будешь курить.

— Брось Кондаков, — загалдели ребята.

— Он у нас один и курящий.

— Брось!..

— Я не буду водить кампании с тобой, если не бросишь! — сердито уставившись на Кондакова, отчеканил Женя Стрелков.

— Ладно уж, брошу, — выжал из себя Кондаков.

— Вот и хорошо, — одобрил Дмитрий. — А теперь валяйте дальше играть. Забудем ребята, что Кондаков курил.

— Забудем!

— Валяй Коля, сыпь! Хорошо выходит! — раздалось кругом.

И вновь пошло представление, прерываемое смехом, шутками и промахами артистов.

4

С методическим кружком ничего не вышло. Согласился работать в нем только Павел Павлович, да и тот на первое собрание пришел пьяненький, так что Дмитрий остался с одним Бирюковым Сеницын записался, но не пришел. Обещала было притти Луиза Карловна, да в тот вечер шла в Нардоме кинофильма с участием Гарри Пилля и она предпочла смотреть статного артиста, чем разбирать статьи и книги по педагогике и составлять программу кружка.

В учительской подшучивали над неудачей. Хрисанф Игнатьевич, узнав об этом, небрежно бросил:

— Я же говорил, что никто не мешает доучиваться и переучиваться, но если сами не можете взяться за дело, так кто же виноват?

Дмитрий полюбил ребят, с которыми репетировал пьесу. В кругу их он забывал все на свете. С

ними он молодец, заражался их непосредственностью, буйным веселым ощущением жизни. Он вспоминал свои годы учения в городском училище, безрадостную жизнь в дворницкой у дяди Миши и вместе с ребятами хотел наверстать упущенные потехи и мальчишеское удовольствие. И перерывы между сценами, они сговаривались бегать на лыжах, как только выпадет снег, кататься на коньках, сделать вылазку в деревню, взять шефство над сельской школой, лежавшей верстах восьми и без конца работать и веселиться.

Дети, окружавшие Дмитрия были в большинстве из групп «Б». В группах «А» ему не удавалось наладить живой связи, особенно в старшей группе Недружелюбие, замкнутость отталкивали его от учащихся. Однажды, выходя из аудитории, он услышал фразу, брошенную ему вдогонку: «мужички приехало учить». Он узнал голос, принадлежавший толстому, упитанному ученику Вознесенскому но не обернулся и ушел, как бы не расслышав слов.

Как-то раз, встретя предфабкома Ивана Григорьевича, Дмитрий поделился школьными впечатлениями. Иван Григорьевич уклончиво высказал свое мнение:

— Тебе больше знать по педагогической линии... но ребята выходят со знаниями.

Дмитрий приходил к выводу, что нельзя и думать о снятии Парыгина, о замене его педагогом большевиком. Старые учителя трепетали и преклонялись перед Хрисанфом Игнатьевичем. О лучшем они не мечтали. Иногда казалось, что для подобострастников, подхалимов и трусов нужен был этот деспот. Перед ним они могли развернуть свои подхалимские таланты во всем блеске.

Жизнь школы шла однообразно, в строго заведенном порядке. Занятия начинались с девяти часов утра, заканчивались к трем. Учителя приходили без опозданий и уходили не задерживаясь. Учащиеся также редко опаздывали. При опозда-

нии учащийся, в перемену, посылался к заведующему. Хрисанф Игнатьевич ставил мальчика или девочку перед собой и, важно развалившись в кресле, начинал издали. Спрашивал о родителях, их здоровье, о получаемой зарплате, о семье. Постепенно переходил к ребенку, который не оправдывает надежд родителей, опаздывает на уроки, портит разведенный порядок, тревожит учителей и даже его заведующего.

— Я вот должен сейчас с тобой беседовать, уговорить тебя не делать больше этого, а у меня много дела, забот по школе. Ты понимаешь, сколько ты создал беспорядка. Понимаешь?

— Понимаю, — тихо отвечал учащийся, еле сдерживая слезы.

— Смотри! — больше не опаздывать, не драться, не пропускать уроки!

— Не буду, — говорил сквозь слезы провинившийся.

Обыкновенно в таких случаях учительская хранила молчание. Раздавался только внушающий бархатный голос Хрисанфа Игнатьевича. Ученик в такой строгой обстановке трепетал, сжимался. Погладив по голове плачущего, заведующий отпустил его.

Как-то Дмитрий подошел к учительской в тот момент, когда оттуда выбежал только-что побывавший на исповеди у заведующего бойкий, шатовливый мальчуган из седьмой группы. Ребята кдали его у дверей учительской.

— Ну что, Сеня, получил накачку? — живо спросили вышедшего из дверей, как только тот показался.

— Подожди, и он нарвется. Чорт, — угрожающе ответил мальчуган, вытирая кулаком слезы.

Увидав Дмитрия, он невозмутимо поглядел ему в глаза.

Чувство неудовлетворенности в работе, неумение исправить недостатки сначала смутно, но по-

том все явственнее наполняли Дмитрия. Поддержки ни в ком не находил. Дни становились тяжелой ношей. Изводили язвительные замечания Парыгина, издевка Ермолаева, хихикание Татьянина, безгласность братьев Зайцевых. Дмитрий приходил домой усталый.

Поступившая на службу Серафима, без устали говорила о покупках, необходимых по ее убеждению, вещей. Денег не хватало.

ГЛАВА III

1

В Губоно школа считалась лучшей. Когда Дмитрию давали назначение, инспектор Соцвоса подчеркивал, что он как молодой учитель в этой школе может поучиться, поднять свою педагогическую квалификацию. В мнении Губоно Хрисанф Игнатьевич как методист и хозяйственник стоял очень высоко. Дмитрию хотелось говорить о порядках в школе, поднять на ноги общественность. Но он сомневался в результатах, боясь оказаться в глупом положении. Честный парень он страдал, метался, но к тому же иногда просто не хватало знаний. Дело не клеилось. Так он неделю ломал голову над умножением отрицательных чисел, пока ему не удалось в доступной для ребенка последовательности притти к простейшему согласованию прошедшего времени с отрицательным направлением. В методических указаниях было мало примеров по этому разделу математики. При неумелом подходе, преподаватель мог их «говорить» в три минуты и, взглянув на ребят, увидеть их с раскрытыми от непонимания и удивления ртами. Начинать сначала. И опять море поднятых рук: «Не понимаем». Дмитрий раза два уже бывал в таком положении, когда преподаватель выбивается из сил, нервничает, старается рассказать по-

нятней, проще, интересней, вразумительней. А группа учащихся недоумевает, ждет, следит за учителем, готова сама все понять по первому слову. Но вопрос не дается, и класс начинает нервничать, суетиться; несмело, по потом все уверенней двигают табуретами, сначала исподтишка, но потом все громче и громче перекликаются. Бойкий, смысленный мальчуган с расширенными блестящими глазами, сидящий на передней парте, обычно не пропускающий ни одного слова учителя, уже шепчет соседке о сегодняшнем кино в Нардоме и сговаривается идти с ней. Промедли учитель еще мгновение, не исправь промах, поднимется такой галдеж, такой шум, который устранить можно разве только прикрикнув. Но нет силы прикрикнуть. И бледный растерявшийся учитель стоит и шепчет про себя:

«Пароход делает двадцать пять километров в час и идет от начальной точки в обратном направлении. В каком месте находился пароход три часа тому назад?». . . Учитель отвернулся от учеников, разглядывает чертеж, нарисованный мелом на доске и не может найти ни одного слова, ни одной фразы, которая сразу осветила бы учащимся существо вопроса. Голова трещит, медленно идет кругом от напряжения.

Можно конечно проще, без затей, без ответственности за развитие ребенка, можно притти к нему и сказать: затверди то-то и запомни то-то. Пригодится на всю жизнь. Будь скромн и не требуй от науки многого, потому что никто еще не испыл мудрости до конца.

Учитель Ермолаев так и сказал Дмитрию, когда гот коснулся тревожащих его положений в преподавании.

— Что? Умножение относительных чисел? Ерунда. Самос лучшее сказать прямо: с одинковыми знаками — плюс, с разными — минус. И голова у

ученика не пухнет от лишних рассуждений и запоминать немного.

После столкновения с Хрисанфом Игнатьевичем из-за постановки пьесы, Дмитрий не хотел обратиться к нему за советом.

как-то разговорился с Павлом Павловичем. Павел Павлович — пятидесятилетний холостяк был энциклопедистом школы. Маленький, кругленький, веселого нрава, любивший пропустить чарочку вина, он показал Дмитрию столько замечательно легко усваиваемых и запоминаемых примеров, что привел его в трепет перед своей опытностью и знанием ребенка. Павел Павлович занимался по всем предметам, забирая оставшиеся часы из-за перегрузки основных преподавателей. Он работал по математике, естествоведению, географии и русскому языку, но более в младших группах, так как Хрисанф Игнатьевич боялся срыва занятий из-за пьянства этого учителя. Давая ему несколько предметов, можно было в любое время заменить его кем-либо в дни прогулов. Уважая его тридцатилетнюю службу, уволить его не хотели. Павел Павлович никогда не отказывался от занятий. Его охотно приглашали работать на вечерние курсы, и он стойчески выдерживал иногда по пятьдесят часов в неделю, если только не запивал.

Приходил он в школу после запоя веселый, улыбающийся, готовый работать без конца.

Дмитрий засел за книги. Серафима злилась. Вечно занятый, отказывающийся от прогулок, от посещения Нардома, Дмитрий был ей нестерпимски скучен. В Нардоме в то время шли гастроли оперы. Учителя с женами ходили в театр на каждый спектакль. Дмитрий с Серафимой слушал «Евгения Онегина», но наотрез отказывался от дальнейших посещений оперы из-за недостатка времени. Он предложил Серафиме ходить одной. Та рассердилась вконец. В последнее время ее мучили приступы тошноты. Работать дома стало невозможно

Дмитрий уходил заниматься, проверять работы учащихся в красный уголок, в помещение школы первой ступени. По узаконенным субботам там собирались все просвещенцы; в остальное время бывало пять-шесть человек. Дмитрий работал в кружке заочного обучения. Его обрадовало, что в первой ступени нашлись учителя и учительницы, стремившиеся к повышению квалификации и сообщавшие изучавшие обществоведение. В первой ступени работали три комсомольца, только-что кончившие педтехникум. Придя из школы, где он наладил занятия с отстающими, Дмитрий мчался в красный уголок, откуда часто вместе с другими уходил на фабрику, проводил беседы по вопросам текущей жизни.

Домой Дмитрий приходил поздно. И в довершение всего Серафима мучила его припадками ревности.

2

«Правонарушителей» подготовили. Драмкружок, состоявший в большинстве из групп «А», посмеивался над затеей ребят. Вознесенский, румяный самоловольный парень из старшей группы — председатель драмкружка подбил кружок ИЗО не писать для «Правонарушителей» декораций. Дмитрий обратился к Евгению Ивановичу — руководителю кружка ИЗО, но встретил вежливый отказ.

— Я с удовольствием бы... Но что же я сделаю, раз ребята не хотят работать, — и развел руками Евгений Иванович.

Выходило, что кто-то хотел сорвать постановку:

— Мы, ребята, сами что-нибудь похожее на декорации сделаем. — сказал Дмитрий ребятам на репетиции, когда те возмутились поведением кружка ИЗО.

Хрисанф Игнатьевич с неудовольствием отпустил бумаги, красок и кистей.

Через два дня, работая после занятий до глубокой ночи, декорации были сделаны.

Драмкружок готовил пьесу, про которую Евгений Иванович говорил, что она страшно революционная. На репетиции Евгений Иванович никого не пускал, держа даже в тайне название пьесы: этим он хотел заинтриговать и поразить в дальнейшем постановкой на вечере.

В Октябрьские дни были розданы ребятам угощения в заранее подготовленных пакетиках — конфеты, пряники и орехи. Раздавала их секретарь школы Раиса Павловна. Дмитрию это не понравилось.

— Вы, молодой человек, не знаете детской психологии, — рассуждал по этому поводу Хрисанф Игнатьевич. — Ребенок ощущает праздник только, когда он его как бы осязает руками

— Да, но можно было бы без Раисы Павловны подарки передать, лучше было бы в ученический комитет, — ответил Дмитрий. Неужели нужно подчеркивать, что начальство на сегодняшний день довольно учениками и поэтому награждает их.

Хрисанф Игнатьевич ничего не ответил.

Провели два вечера. Страшно революционная пьеса была вся в выстрелах, криках, и неизменно самодовольный Вознесенский побеждал врагов. Евгений Иванович обставил пьесу искусными декорациями и ослепительным освещением. «Правонарушители» проходили в тусклом свете, так как Евгений Иванович никак не мог разыскать двести-свечевых ламп, подозрительно убранных им после окончания своей пьесы. Взамен их он предложил шестнадцатисвечевые. Декорации Дмитрия были также неудачны. Но публика, выдавшая в Нардоте постановки ленинградских и московских артистов, встретила одинаково обе пьесы шумными аплодисментами. Сидевшим в зале родителям и учащимся любо было больше то, что играют их дети и товарищи.

Кондаков привел впервые в школу своего отца и хотел во что бы то ни стало представить его Дмитрию, когда тот гримировал ребят и распоряжался установкой декорации.

— Сроду, говорит, никуда не ходил, а тебя посмотреть схожу, — захлебываясь от восторга говорил Кондаков.

Дмитрий с удовлетворением смотрел на ребят, восторженно переживавших свое первое выступление. Шум и галдеж в гримировальной казались ему замечательной музыкой, в которой клокотало детское сердце, полное радости и веселья.

Драмкружковцы сначала задирчиво смотрели на своих соперников, но скоро помирились, как только обе партии принарядились в костюмы и загримировались. Девочки и мальчики, далеко до представления приготовившиеся для выхода, показывали друг перед другом движение и позы, которыми они блеснут на сцене.

В общем галдеже только насупленно ходили Евгений Иванович и ученик Вознесенский, которым, должно быть, казалось, что под их давнишние авторитеты режиссера и председателя драмкружка то-то подложил фугасы.

3

После праздника, в первый день занятий Евгений Иванович, придя в школу, не поздоровался с Дмитрием. Того позабавило такое проявление неружелюбия. В большую перемену Евгений Иванович начал критиковать постановку Дмитрия.

— Герои рассыпались. . . Не было стержня, око которого концентрировалось бы внимание зрителя. . . В инсценировке не было сюжета, — говорил он, зачем-то сильно скрючивая перед собой пальцы своей руки.

— Что называется пришли, понюхали и ушли, — борвал Дмитрий.

Евгений Иванович пугливо взглянул на него и замолчал. В этот день он уже не произносил ни слова в учительской, но хихикал пуще прежнего.

В этот же день на занятия Дмитрия вкатился Хрисанф Игнатьевич. Дмитрий расхаживал по классу, рассказывая учащимся об углах при параллельных линиях и секущей. Ребята спокойно сидели, чертя и записывая необходимое. В этой группе Дмитрий давал свой первый урок.

Как только вошел заведующий, ребята затаили дыхание. Это не понравилось Дмитрию. Он решил развеселить их чем-нибудь, вывести из подавленного настроения, явившегося с приходом Хрисанфа Игнатьевича.

— Эти углы, — показал Дмитрий на чертеже, — лежащие по одну сторону секущей, называются соответственными. Одна пара углов как бы на крыше, а другая под крышей. И он для убедительности быстро нарисовал сбоку чертежа кружок, солнце с короткими лучами, — черточками по сторонам.

— А верно! — не удержался от выкрика Афонин.

— Вот уж не забудешь! — весело сказала Таня Беляева и нарисовала у себя в тетрадочке такое же солнце, как и на доске.

Когда Дмитрий кончил объяснять, поднялся сидевший за учительским столом, Хрисанф Игнатьевич.

— Вы позволите мне спросить учащихся? — вежливо спросил заведующий.

Дмитрий кивнул головой. Хрисанф Игнатьевич наклонясь вперед, двигая головой вправо и влево как рак клешнями, начал вытаскивать с мест притаившихся за столами ребят. Он задавал вопросы вкрадчивым голосом, подкупал ребят намеком на правильный ответ, но неизменно строго сажал на место совравшего учащегося. Дмитрий прислушивался к беседе заведующего с ребятами и вспоминал про городское училище, в котором однажды

новый учитель по математике вверг их в панику и наставил всем двойки, задавая вопросы совершенно отлично от старого учителя. Хрисанф Игнатьевич вывел заключение о полной неумелости Дмитрия работать.

В учительскую после урока Хрисанф Игнатьевич влетел так же, как и после посещения урока Брюкова.

— Я иду навстречу молодым учителям... Я рад оказать содействие знанием и опытом. Но молодым учителям угодно заниматься пьесками и ходить по красным уголкам на фабрике, чтобы слыть общественниками. А молодые учителя не знают, что их высшая общественная работа и есть честная педагогическая деятельность... Какие-то солнышки, крыши на уроках математики. А результат?! выкрикивал Хрисанф Игнатьевич.

Учителя притаились. Татьянин уже собирался исподтишка хихикнуть. Дмитрий выставил вперед голову, сжал кулаки и согнулся. Стал похож на хищника, собирающегося прыгнуть на врага. Татьянин быстро прервал вырвавшийся смешок и, втянув голову в плечи, присел.

— Довольно! — неожиданно ударил кулаком по столу Дмитрий. — Не надо истерик... Чорт знает, как вы задавали вопросы и, запутавшись, ребята не могли ответить. Я великолепно видел все. Я три месяца смотрю, как вы охаживаете всех. Но вы хитры и умны. Подождите и вы завертитесь! — выпалил зло Дмитрий.

Хрисанф Игнатьевич застыл на месте.

— Я буду жаловаться в Губоно! — Это было все, что сумел он ответить Дмитрию.

— Какая грубость, — вздохнула Роза Исаевна и смиренно поджала губки.

Учителя предпочли не вмешиваться в спор, упорно храня молчание. Дмитрий обвел всех взглядом.

— Можете жаловаться. Но я вам заявляю, если

вы еще раз ко мне пожалуете на урок, чтобы мешать, я выставлю вас из класса.

Звонок прервал неприятную тишину, наступившую за последними словами Дмитрия.

После урока Дмитрия разыскала Луиза Карловна. Он раньше почти не обращал на нее внимания. Это была плотная, среднего роста женщина, ходившая в школу всегда нарумяненной, напудренной с крашенными бровями, ресницами и волосами. Волосы у ней были льняные, брови черные. Она посочувствовала Дмитрию и рассыпалась в благодарности за то, что он дал хороший нагоняй заву.

— Вы замечательно отделали его, — говорила она. — По крайней мере он на неделю не будет лезть со своими придирками. Я довольна!

Они шли вместе из школы. Луиза Карловна лепетала без умолку.

— Вы были так интересны во время ссоры, у вас так блестели глаза, — щебетала она. — Вы проводите меня? — предложила Луиза Карловна, когда они проходили мимо дома Дмитрия.

4

В начале декабря ушел из школы Сеницын. Он перешел работать в другую школу, где заведующим был его товарищ по институту.

— Целый год я ждал этого места. И вот теперь, оно освободилось. Поработаю в свое удовольствие, — говорил Дмитрию Сеницын. Его усталое лицо преображалось от радости.

— А прощальный вечер будет? — спрашивал Ермаев.

Сеницын мялся. У него не было свободных денег.

— Уж куплю дюжинку, Алексей Михайлович, — соглашался морщась Сеницын.

— Брось, — заметил Дмитрий. — Извозчика даже не нанимай. Мы с Бирюковым взвалим твои корзины и доставим на станцию.

Бирюков мотнул головой. Ермолаев обиделся.

— Подумаешь, какой трезвенник, — сказал он Дмитрию. — Я и на свои деньги устрою.

Другие учителя даже не спросили, куда торопится радостный от избытка чувств Синицын. — Уезжаешь — и хорошо: нам больше останется.

И верно, на место Синицына Хрисанф Игнатьевич не затребовал учителя из Губоно. Часы занятий Синицына были распределены между Ермолаевым, братьями Зайцевыми, Розой Исаевой и самим Парыгиным. Дмитрию не досталось ничего.

Но зато его выбрали в различные комиссии и представительства во всевозможных общественных организациях. Он охотно соглашался, но его бесило при этих выборах какое то злорадство учителей, в особенности Парыгина и Татьянина, когда они голосовали кандидатуры, стараясь во что бы ни стало провести его. Теперь у него была почти ежедневная работа с девяти утра до часу-двух ночи.

Около райрабпроса, ответственным секретарем которого был выдвигенец с фабрики, молодой рабочий, образовалось крепкое ядро просвещенцев. Об атмосфере во второй ступени знали, но секретарь неизменно твердил Дмитрию.

— Нельзя же сразу. Ну выбросим из школы, а кем заменим? Подожди вот, через год-два вольются новые кадры и тогда Хрисанфу Игнатьевичу скатертью дорожка.

На этом и заканчивались разговоры о второй ступени.

Дмитрий чувствовал себя хорошо среди новых своих знакомых, бывая на фабрике, в клубе, первой ступени, библиотеке.

Он много читал, старательно готовился к урокам, следил за отстающими ребятами, занимаясь с ними особо. Времени не хватало. Дорога была каждая минута.

На улице лили осенние дожди. Зима не торопи-

лась. Снег таял, стояла грязь, слякоть. У Дмитрия не было теплой одежды, Серафима ворчала:

— Общественную работу ведешь. Лучше на вечерних курсах взял бы уроки, все на пальто заработал бы, — говорила она.

Но ему некогда было думать об этом.

Иногда ему казалось, что силы начинают изменять ему.

Как-то он пришел домой бледный.

— Что с тобой? — тревожилась Серафима.

— Устал, — касаясь ладонью головы, ответил Дмитрий.

— У тебя жар.

Она разыскала градусник и сунула ему под мышку. Дмитрий сидел на стуле осунувшийся.

— Тридцать девять и три. Ты с ума сошел, ходишь по улице, а у самого температура. Раздевайся и в постель.

Он послушно лег.

Ночью температура поднялась. Дмитрий лежал пластом.

— Ни разу не болел, — говорил он. — Болеть — прекрасно. Тело становится легким.

— Замолчи, Митя, Лежи не двигайся. — Серафима едва сдерживала слезы.

Дмитрий заметил наворачнувшиеся на глаза слезинки и обиделся.

— Думаешь, умру? — грубовато спросил он. — Ложись спать и не хныч. Завтра встану здоровым
Утром он не встал. Врач нашел грипп.

— Насморк...

Врач, повидимому, не охотник до шуток, заметил:

— Смертьные случаи нередки.

Во время болезни его навещала только Луиза Карловна.

— Я не боюсь заразиться, — говорила она, — поправляя подушки и подавая ему лекарство.

Серафима, приходя со службы, несколько раз

сталкивалась с Луизой Карловной. Ее посещения не нравились Серафиме. Она не хотела сознаться в ревности, но Дмитрий понимал ее состояние. Несмотря на беременность, Серафима была красива тяжелой, торжественной красотой. Дмитрий любовался ею, как будто и не видал ее, занятый вечно работой.

— Я рад, Серафима, что заболел. По крайней мере, досыта насмотрюсь на тебя. Ты сейчас прекрасна.

Она живо обернула лицо к нему и с сердцем сказала.

— Довольно смеяться, Дмитрий.

— Что ты? — удивился он. — Ревнуешь.

Серафима ничего не ответила и, повернувшись, вышла зачем-то на кухню.

А Дмитрий лежал и прислушивался, как к голове тихо подкатывает, и вот его то поднимает вверх, то пригнетает книзу.

Луиза Карловна передала замечание Парыгина о болезни Дмитрия:

«Вот они, молодые учителя. Покричат, себе и другим нервы испортят, и нет их в школе. То уедут, то заболеют... Мы старики и вывозим, как добрые лошади».

— Не ожидал я, что так скоро свалюсь, — ответил Дмитрий.

— Вы голодали, когда учились? — участливо спросила Луиза Карловна.

— Голодал? Какое голодал, просто по двое суток не ел.

— Да что вы?

— Что ж тут удивительного? В порядке вещей. Лет шесть жил в дворницкой у дядюшки, конечно, голодал. Четыре года на фронте, да четыре в институте. Вот и вся моя жизнь, как на ладони, — шутил он.

— Это ужасно! — воскликнула Луиза Карловна

Через неделю Дмитрий встал. Он смотрел в зеркало и не узнавал себя.

— Вот так грипп! — Он увидел в зеркале блестящие провалившиеся глубоко глаза, сухое, желтое лицо.

Занимался он вяло, был рассеян, мало подвижен и ходил согнувшись, чувствуя неудержимое желание лечь и не двигаться. Серафима советовала просить в амбулатории отпуск.

— Просить можно. Но амбулатория не будет для меня заводить новые порядки. Температура нормальная и делу конец. Все равно в два-три дня не поправишься.

В учительской посмеивался Ермолаев.

— Говорил я вам, климат здесь гнилой.

Дмитрий вяло улыбался. Хрисанф Игнатьевич ходил довольный. Он благодушно высказывался о своей системе работы.

— Спокойствие и выдержанность, прежде всего. Это дается подготовкой и честным отношением к делу.

Дмитрий же после болезни стал нервным, мнительным, тревожащимся по всякому пустяку.

Так, он целый день не мог забыть того, что расписываясь в получении зарплаты, он машинально написал слово пятьдесят с мягким знаком на конце, так, как по-деревенски его выговаривали, и, когда секретарь Раиса Павловна при всех заметила его ошибку, он смутился. Покраснел и встревожился, гочно этим запятнал авторитет всех, кончающих вузы. Хрисанф Игнатьевич злорадно и, как бы невзначай, бросил:

— Что называется, корова через ять. . .

Татьянин хихикнул. Роза Исаевна сокрушенно покачала головой.

— Ай, ай, Дмитрий Васильевич, как вы рассеяны.

Дмитрий оглядел всех испуганными глазами. Защищаться не было сил, да и ошибка была налицо и он признавал ее и терзался ею.

Дни давили его. Он мучительно хватался за большие, нывшие виски. В некоторых группах, в особенности в старших «А», падала дисциплина, его ребята не слушались. И тогда за спиной этих ребят Дмитрию чудилась направляющая рука Хрисанфа Игнатьевича.

Как-то после уроков в учительской он застал подлинный переполох. Хрисанф Игнатьевич возбужденно размахивал руками и о чем-то громко говорил, остальные качали головами в знак полнейшего согласия. Хрисанф Игнатьевич налетел на Дмитрия, как только тот появился в дверях:

— Дмитрий Васильевич, что вы наделали? — в паническом ужасе воскликнул Парыгин.

— Что? — пораженный его растерянным видом, спросил он.

— Да вы же сгубили целую группу. Как теперь исправите, — вздыхал Парыгин, мечась по учительской.

— Объясните, в чем дело? — попросил Дмитрий.

— Это вы посоветовали Кондакову прочесть «Андрона Неупутевого»? — остановясь, спросил Хрисанф Игнатьевич.

— Я. Что же из этого?

— Да разве вы не понимаете? Ведь это же огромный провал в воспитании ребенка, — сокрушался Парыгин.

— Ничего не понимаю.

Хрисанф Игнатьевич припрыгнул на месте.

— И он еще ничего не понимает. Вся группа твердит: «Петух свою бабу клюет, воробей свою бабу клюет». Это же безобразие. Неужели у вас нет чувства меры. Тринадцатилетний мальчишка читает сплошь порнографическую книгу. Знаете ли, чем это пахнет? Это возбуждает сексуальность детей, развивает всевозможные отклонения от нормы, открывает двери пороку. Целая группа вместе с Кондаковым захлебываясь, твердит: «Воробей бабу клюет, петух бабу клюет», вы пони-

маете, что в слове клюет, они подразумевают другое понятие, — бежал по учительской Хрисанф Игнатьевич, и жаловался, и ругался и разъяснял непоправимое событие.

Викентий Фомич поддержал Хрисанфа Игнатьевича.

— Да-с, видите ли, «Андрон Непутевый» исключительно проходится в старшем концентре. Как это вы оплошали?

Дмитрий ошалело глядел на окружающих. Он еле держался на ногах от общей слабости. Клоныло ко сну. Было трудно отвечать на обвинения и нападки. Но Хрисанф Игнатьевич не унимался. Событие, по его словам, должно было всколыхнуть не только одну группу, а всю школу.

— Постойте, — с усилием произнес Дмитрий. — Я помню, меня спросили ребята, какие книги есть у Неверова, кроме «Ташкента — города хлебного»? Им очень понравилось это сочинение на уроках русского языка. Я указал им на «Марью-большевичку» и «Андрона Непутевого». Разве я нехорошо сделал?

— Он спрашивает! — возопил Хрисанф Игнатьевич.

На урок Дмитрий ушел с заболевшей головой. Он не верил Хрисанфу Игнатьевичу, раздувавшему историю с «Андрон Непутевым». Но его поразила и тревожила напористость врага.

Он дал ребятам самостоятельные работы и ходил по классу, напряженно думая о создавшемся положении в школе. После болезни, мелочи, не волновавшие его раньше, теперь больно ранили его. Кровь молотом стучала в висках.

5

Как то в конце декабря Дмитрий, придя из школы, сказал Серафиме:

— У меня в голове словно разорвались крове-

носные сосуды. Точно молния разщепила сухое суковатое дерево.

— Ты устал, Дмитрий? — подошла к нему Се-
рафима и наклонила его растрепанную голову к
себе. — Сходи-ка в баню. Я тебе вскипячу молока,
ты напьешься и сразу ляжешь спать. Хорошо?

Дмитрий пошел в баню. Раздевался он вяло, не-
хотя, словно стыдился своего несуразного, тощего
после болезни, тела.

По коже пробежала неуловимая, лихорадочная
дрожь. Мысли были бессвязны, туманны и, если его
спросили бы, о чем он сейчас думает, он не отве-
тил бы. Мозг был затоплен какой-то серой и не-
скончаемой мутью.

В парной его поразил, стоявший на полке, высо-
кий красный с тугими мускулами человек. Стоя
на полке, он бил себя распаренным веником, заво-
рачивая за голову руки. Молча то наклоняясь, то
выгибаясь, он хлестал веником, разбрызгивая во-
круг себя быстрые, частые брызги воды.

Изредка он кричал и просил поддать пару. Дми-
трий в немом восхищении, опустив к ноге цара-
пающий железный таз, уставился на великана. Так
и стоял он.

Тот кончил париться, сбежал на пол и, встре-
тись глазами с онемелым, трясущимся в лихорадке
Дмитрием, грубовато спросил:

— Париться хочешь? И подал Дмитрию аромат-
ный зеленый веник.

Кто-то позади насмешливо бросил:

— Интеллигент жидконогий. Чего на дороге
топчешься?

— Я — интеллигент? — зло выкрикнул Дмитрий
и почувствовал в груди слабое, издерганное сердце.

Дмитрий тихо полез на верхнюю полку и лег,
задрав кверху ноги. Сначала было холодно. Но
скоро по телу разлилась невыразимая теплота и
легкость. Он уже не стеснялся своего беспомощ-

ного, вялого тела. Он весь наливался и горел от прилива жаркой крови.

— Эй, ну что ж ты? Веником-то! — окликнул его красный великан и плеснул целый таз воды в зияющее горло каменки.

Сухой, острый пар жгуче пронизывая тело, ринулся на полку.

— Валяй!

Дмитрий взмахнул веником и опустил его на спину. Голова кружилась, мутные круги плыли перед глазами, мозг застывал горячий, сухой пар. Стены парной качнулись и поплыли в туман.

Очнулся Дмитрий уже в санатории. Через месяц врач обнадеживал Дмитрия:

— Умственное перенапряжение. Пройдет. . . Время сделает свое.

ГЛАВА IV

1

Февральским вечером Дмитрий Сетов вышел из вагона пригородного поезда. Он возвращался домой из санатория для нервно-больных, где пробыл два месяца. До фабрики по разбитой рыхлой дороге надо было ехать километров пять. Он нанял извозчика. Лошадь бежала ровно и быстро.

В драповом пальто Дмитрий мерз. Но мороз не мешал ему радоваться звездному простору, лунным искрам по снегу в полях, огням приближающейся фабрики. Он с неудовольствием поежился, когда кто-то с обогнавших саней прокричал почти в лицо:

— Эх, мила-ай. . .

И сани, вынырнув из сугроба, понеслись вперед, наполняя ночь уханьем и свистом.

Дмитрий замкнулся в себя и уже не восторгался ни звездами, ни лунным простором. Такая ночь, а кто-то свищет, кто-то оскорбляет это молчанье.

Съездившись, Дмитрий откинулся на задок саней. Возница ехал молча, не стараясь разговаривать с ним, веселить седока. Дмитрию понравилась его манера старательно и спокойно править лошадью.

В пути от санатория до губернского города и до станции, где ему нужно было сходить, Дмитрий чувствовал себя беспокойно. Хотя врач и выписал его, находя, что он уже здоров, но Дмитрий знал, что опять те же мысли, что и перед болезнью, заполнили его. И всю дорогу он страдал. Оставалось километра два пути, как звезды, станционные огни заволокло белой пеленой; повалил влажный февральский снег, и они ехали в белесоватом крутящемся тумане.

Когда уже проехали фабрику, и до дома оставалось не больше километра, Дмитрий остановил возницу, слез с саней и расплатился. Уже и дороги не было видно и нудно было идти по колена в снегу. Дмитрий скоро устал и сел на чемодан посреди улицы. Кругом стояла нерушимая тишина. Казалось, был слышен шорох падающего снега. Чернели силуэты домов, кое-где мерцали светлые точки окон, желтели огни фонарей. Людей на улице не было. Дмитрий ловил руками снежинки, они таяли у него на ладонях. Тепловатая вода скользила за рукава. Он поднялся неповоротливый и вялый, достал папирсы, спички. Два месяца, которые он провел в санатории, он не курил и только сегодня на свободе купил папирсы, но забыл о них. Привычно, точно и не было перебива, он быстро зажег в кулаке спичку и закурил. От первой же затяжки голова его, затуманенная и легкая, закачалась и поплыла. Докучливые мысли куда-то ушли далеко. Перед ним встало обыкновенное, простое и незамысловатое: жена, ожидающая его, и школа, в которой он завтра будет работать. Как просто. Только надо войти в жизнь уверенно и просто, главное — просто. Притти к жене, обнять ее и заговорить с ней о повседневном, сесть за стол, разобрать книги

и посмотреть то, что он будет завтра рассказывать ребятам в школе.

Дмитрий расправил плечи, отяжелевшие под сырым неуклюжим пальто, приподнял чемодан и произнес.

— Хорошо.

Освещенное окно его комнаты было задернуто занавеской. Дмитрий постучал. Открыла хозяйка.

— Дмитрий Васильевич! — обрадованно встретила она.

Он вошел в переднюю. Голос хозяйки услышала жена, Серафима.

— Митя! — Она радостно обняла мужа. В обмякшем тяжелом пальто, рослый, он казался еще больше в невысокой комнате. Серафима помогла раздеться и снова прильнула к мужу, не стесняясь, что в комнате кроме них был третий. Хотелось за просто поговорить с женой, но стеснял посторонний. Дмитрий неловко заметил:

— В комнате тепло... ты в деревню не ездила?

И, не дождавшись ответа жены, подошел к гостю. Тот встал:

— Дмитрий Васильевич?

— Да, — сказал Дмитрий, протягивая руку.

— Оленев, Григорий Александрович... Мы с вами встречались раньше.

— Я писала тебе, Дмитрий, — пояснила Серафима, — что тебя замещает Григорий Александрович. Помнишь?

Дмитрий пошел на кухню умыться.

— Ну как здоровье? — спросила Дмитрия хозяйка, ничуть не боясь побеспокоить его этим вопросом, как боялась это сделать Серафима.

— Здоровье? Кровушка по жилушкам так и переливается. Поживем.

— А вы Анна Гавриловна как?

— Живем — хлеб жуем.

— Если с аппетитом, то это хорошо.

— Пока ничего, не жалуемся, — ответила хозяйка.

— Так, — протянул Дмитрий и начал шумно умываться.

Хозяйкины дети: Генко и Капа, испуганно выглядывали из своей комнаты. Им еще был памятен тот вечер, когда Дмитрия в обморочном состоянии, привезли из бани. Теперь они боялись подойти к Дмитрию. Заметив их, он засмеялся.

— Бойтесь?.. Идите, идите, не бойтесь. Теперь дядя Митя не страшный. Теперь его обновили. Ну, подходите, — сказал он.

— Да что вы на самом деле? — подтолкнула хозяйка к Дмитрию ребят.

— А я вам привез что-то.

— Чего, дядя Митя, — оживилась Капушка.

— Не скажу. Вот умоюсь и пойдемте ко мне.

— А я дядя Митя буер сделал, — похвастал Генко.

— Можно ездить? — спросил Дмитрий.

— Можно бы, да мама полотна на парус не покупает. С горы ездим с ребятами.

— И это хорошо.

Ребята затараторили о самом важном для них. Генко оказывается сделал кроме буера, калейдоскоп, зеркало из простого стекла, прочитал много книг.

— Дядя Митя, а корабли корсаров больше дрейнуотов? А? — спрашивал он.

Капушка тоже отличилась.

— Она совсем девчонка, — заявил Генко, — куклы шьет, капризничает и маме ябедничает.

Капушка потупила глаза. Рядом с порывистым, буйным Генко она выглядела изящной и миниатюрной. Ее движения были плавны и закончены. Дмитрий с радостью смотрел на них. На кухню вошла Серафима и подала Дмитрию полотенце.

— Вот хорошо. Теперь вся больничная хмарь

прошла. — И, смеясь, Дмитрий потрепал Серафиму по плечу:

— Ты что ж, словно боишься меня?

Серафима ничего не ответила. Глаза ее стали влажные.

Дмитрий возвратился к себе в комнату, rozdal ребятам подарки. Генку он привез складной нож и красок, а Капе куклу. Ребята побежали к матери показывать новинки. Оленев ушел в свою комнату сданную ему хозяйкой на время замещения Дмитрия.

Когда Дмитрий и Серафима остались вдвоем, она неожиданно обняла мужа и, уже не стесняясь, заплакала.

— Как я исстрадалась за тебя, — она глядела на Дмитрия молящими глазами. Дмитрию было жалко и обидно за нее. Ведь он здоров. Зачем плакать! Если плачет, значит не надеется, не верит?

Он молча пил чай. После взял с углового столика несколько книг и, перелистывая их, не мог понять помнит он или не помнит о давно знакомых тригонометрических величинах.

2

На другой день в большую перемену Дмитрий пришел в школу. Когда он поднимался по лестнице и проходил по рекреационной зале, кругом его сыпались приветствия «Дмитрий Васильевич здравствуйте», «с приездом Дмитрий Васильевич». . . «Дмитрий Васильевич» — повторялось сотней голосов веселых и звонких. Детские голоса их радостные, бодрые взгляды волновали Дмитрия, призывая к дружной, деятельной работе. Дмитрий, улыбаясь, отвечал на приветствия.

В учительской, держа в руке стакан с чаем, как всегда громко и путанно говорил обществувед Бирюков. Его невнятную речь обрывал насмешливыми репликами Ермолаев.

— А, Дмитрий Васильевич, — воскликнул он, увидев Дмитрия, раздевавшегося в соседней с учительской, темной комнатке. И вышел к нему навстречу стойже добродушно-насмешливой улылкой.

— Поправились? Ну, конечно, в вас заложен хороший фермент. Сын земли. — И, похлопывая Дмитрия по плечу и забрасывая вопросами и сам же на них отвечая, подхватил Дмитрия под руку и вместе с ним вошел в учительскую.

— Те же и Сетов! — шутливо произнес он.

Как прежде, неожиданно наступившая тишина заставила сжаться Дмитрия. Еще до болезни Дмитрий ненавидел эту настороженную тишину.

Учителя сидели за длинным тяжелым столом, покрытым клеенкой и, улыбаясь, слушали речь Бирюкова. Ермолаев шумно острил, восседавший за особым столом, Хрисанф Игнатьевич вставлял иногда слово, чтоб поддержать запутавшегося Бирюкова.

В учительской были все в сборе: братья Зайцевы, Павел Павлович Хрусталеv и, — секретарь школы, — Раиса Павловна. На тех же местах, что и всегда, друг против друга сидели Татьяна и Луиза Карловна. Они угощались печеньем.

Прозвенел звонок. Хрисанф Игнатьевич поднялся с места.

— Товарищи, на уроки.

— Хрисанф Игнатьевич, мне бы нужно поговорить с вами, — обратился к нему Сетов.

— Подождите следующей перемены, — небрежно ответил Хрисанф Игнатьевич, и вышел из учительской. За ним нестройной толпой потянулись другие.

— На производство, товарищи, — пробасил Ермолаев, загораживая двери своей дородной, рыхлой фигурой.

Дмитрий остался один. Через минуту, словно незначай, вернулась Луиза Карловна.

— Дмитрий Васильевич, как вы себя чувствуете? Поправились? — А у нас невозможно, прямо хоть

прошла. — И, смеясь, Дмитрий потрепал Серафиму по плечу:

— Ты что ж, словно боишься меня?

Серафима ничего не ответила. Глаза ее стали влажные.

Дмитрий возвратился к себе в комнату, роздал ребятам подарки. Генку он привез складной нож и красок, а Капе куклу. Ребята побежали к матери показывать новинки. Оленев ушел в свою комнату, сданную ему хозяйкой на время заместительства Дмитрия.

Когда Дмитрий и Серафима остались вдвоем, она неожиданно обняла мужа и, уже не стесняясь, заплакала.

— Как я исстрадалась за тебя, — она глядела на Дмитрия молящими глазами. Дмитрию было жалко и обидно за нее. Ведь он здоров. Зачем плакать? Если плачет, значит не надеется, не верит?

Он молча пил чай. После взял с углового столика несколько книг и, перелистывая их, не мог понять помнит он или не помнит о давно знакомых тригонометрических величинах.

2

На другой день в большую перемену Дмитрий пришел в школу. Когда он поднимался по лестнице и проходил по рекреационной зале, кругом его сыпались приветствия «Дмитрий Васильевич, здравствуйте», «с приездом Дмитрий Васильевич». . . «Дмитрий Васильевич» — повторялось сотней голосов веселых и звонких. Детские голоса, их радостные, бодрые взгляды волновали Дмитрия, призывая к дружной, деятельной работе. Дмитрий, улыбаясь, отвечал на приветствия.

В учительской, держа в руке стакан с чаем, как всегда громко и путанно говорил обществовед Бирюков. Его невнятную речь обрывал насмешливыми репликами Ермолаев.

— А, Дмитрий Васильевич, — воскликнул он, увидев Дмитрия, раздевавшегося в соседней с учительской, темной комнатке. И вышел к нему навстречу той же добродушно-насмешливой улыбкой.

— Поправились? Ну, конечно, в вас заложен хороший фермент. Сын земли. — И, похлопывая Дмитрия по плечу и забрасывая вопросами и сам же на них отвечая, подхватил Дмитрия под руку и вместе с ним вошел в учительскую.

— Те же и Сетов! — шутливо произнес он.

Как прежде, неожиданно наступившая тишина заставила сжаться Дмитрия. Еще до болезни Дмитрий ненавидел эту настороженную тишину.

Учителя сидели за длинным тяжелым столом, покрытым клеенкой и, улыбаясь, слушали речь Бирюкова. Ермолаев шумно острил, восседавший за особым столом, Хрисанф Игнатьевич вставлял иногда слово, чтоб поддержать запутавшегося Бирюкова.

В учительской были все в сборе: братья Зайцевы, Павел Павлович Хрусталеv и, — секретарь школы, — Раиса Павловна. На тех же местах, что и всегда, друг против друга сидели Татьянин и Луиза Карловна. Они угощались печеньем.

Прозвенел звонок. Хрисанф Игнатьевич поднялся с места.

— Товарищи, на уроки.

— Хрисанф Игнатьевич, мне бы нужно поговорить с вами, — обратился к нему Сетов.

— Подождите следующей перемены, — небрежно ответил Хрисанф Игнатьевич, и вышел из учительской. За ним нестройной толпой потянулись другие.

— На производство, товарищи, — пробасил Ермолаев, загораживая двери своей дородной, рыхлой фигурой.

Дмитрий остался один. Через минуту, словно незначай, вернулась Луиза Карловна.

— Дмитрий Васильевич, как вы себя чувствуете? Поправились? — А у нас невозможно, прямо хоть

в петлю. Все истрепались, нервничают. Я не знаю, что будет.

— Почему Оленева не было в учительской? — спросил Сетов.

— Он не выносит заведующего, да и вообще всей нашей обстановки. Он остается в перемены в классе. Ну... сделает вид, что ему что-то надо сделать, а там уже и звонок. Его заведующий и не любит и боится. Прекрасный человек. Он такой вежливый и преподает прекрасно.

Медленно раскрылась дверь и вошла любопытствующая Раиса Павловна.

— Ах, простите. Забыла ножницы.

Луиза Карловна замолчала. Раиса Павловна порылась в столе и не нашла ножниц.

— Должно быть оставила дома, — сказала она, выходя из учительской. — Только вам помешала.

На раскрашенном лице Луизы Карловны отразилось отчаяние.

— Сплетни. Слежка ведь. Эта Раиса — первейший сыщик Парыгина. Она передаст сегодня же, что я опоздала на урок. А мне так хотелось сказать вам несколько слов наедине. Заходите, заходите ко мне, Дмитрий Васильевич, мне так хочется отвести душу.

И, чуть не плача, она вздрагивающей походкой пошла из учительской.

9

Дмитрий просидел весь урок — сорок пять минут — в учительской, хотя жил он близко, против школы, за полотном железной дороги. Он решил дождаться Парыгина.

После урока Хрисанф Игнатьевич, покручивая пышные рыжие усы, словно нехотя, обратился к Сетову:

— Вы что то хотели мне сказать, Дмитрий Васильевич... Пожалуйста, я вас слушаю.

Парыгин закурил папиросу.

— Я слышал, что Оленев хороший преподаватель. В интересах школы следовало бы его оставить.

— Интересы школы — мои интересы, — нервно ответил Хрисанф Игнатьевич. — Если вы отдадите ему свои часы, он может остаться.

— Да, несколько уроков я могу отдать, — ответил Дмитрий. — Другие учителя также могут уступить часть уроков Оленеву, школа от этого не останется в накладе.

В учительской стало напряженно тихо. Пришедшие к концу разговора учителя, сердито поглядывали на Дмитрия.

— Раиса Павловна, позовите Оленева. Что это у него за привычка оставаться в классе в перемену?

Вошел Оленев. Среди учителей он выделялся твердой военной выправкой. Оленев поклонился присутствующим, — он видел сегодня всех впервые.

— Дмитрий Васильевич дает вам свои уроки, — обратился к Оленеву заведующий.

— Не все, — пояснил Дмитрий.

— Он предлагает вам часть уроков. Можете вы остаться на неполном окладе?

— Я сейчас безработный. В середине года вероятно в Губоно не найдется места, разве что по совместительству? Могу и на неполном окладе остаться, — ответил Оленев.

— Во всяком случае Оленеву следовало бы дать минимальную нагрузку. — Верхняя губа Дмитрия нервически запрыгала. У нас же у каждого не менее 27 уроков в неделю, когда норма 18, а максимальная нагрузка 24. Это ненормально.

Оленев с интересом взглянул на Дмитрия.

— Невозможно же убавлять зарплату учителей в середине года, — одернул Дмитрия Парыгин.

— Да, да, — послышалось за спиной Дмитрия.

— Итак, вы согласны, на часть нормы? — спросил еще раз Оленева Парыгин.

— Согласен, — ответил тот.

— Я не согласен, — поднялся из-за стола Дмитрий. — Я требую в данном случае созыва школьного совета.

Учителя переглянулись между собой. За спиной Дмитрия они сигнализировали заведующему, что можно согласиться. Тот пренебрежительно обронил:

— Раиса Павловна оповестите завтра учителей и представителей общественных организаций о созыве школьного совета в 7 часов вечера. . . Да чтобы все расписались. . .

Г Л А В А V

1

Вопрос об оставлении Оленева в школе на школьном совете обсуждался. Надо было ему дать норму уроков. Дмитрий уступил две старшие группы по математике, — восемь часов. Парыгин расправил пышные усы, прищурился и объявил, не желает ли, кто еще дать свои уроки Оленеву. Собрание встретило его слова молчанием. Парыгин торжествовал. В его планы не входило принять в свою среду Оленева, в котором он с первых же дней почувствовал человека, выдержанного и сильного. Несомненно, вокруг Оленева могло создаться ядро, способное противодействовать заведующему. Если Дмитрий не сумел в школе организованно идти против Хрисанфа Игнатьевича, то с Оленевым ему будет тягаться труднее.

Тогда неожиданно встал Павел Павлович. У него было тридцать шесть недельных часов.

— Я могу отдать десять уроков, — обратился он к школьному совету, при настороженном молчании учителей.

Заметив сердитый взгляд Парыгина и нахмуренные лица учителей, он добавил:

— На этой неделе меня просили заниматься в школе взрослых, я отказался, а теперь уж возьмусь.

Делать было нечего. Парыгин поставил на голосование и школьный совет утвердил. Оленев остался в школе. Учителя не возражали, их заработок остался тем же.

Луиза Карловна, возвращалась с Дмитрием из школы, так оценивала эту историю.

— В сущности учителям совершенно нет дела до того, кто и как преподает. Лишь бы остались в благополучии их дела. — Они молча шагали вдоль улицы.

— Должно быть Серафима Андреевна вас не ждет? — спросила Луиза Карловна.

— Вероятно, — и не досказал, что и вообще еще не было случая, чтобы Серафима дожидалась его после собраний, обычно тянувшихся часов до двенадцати и более.

Луиза Карловна поняла это. Она поежилась и заставила Дмитрия взять себя под руку:

— Вы меня проводите? — спросила она.

— Нет, — отказался Дмитрий.

— Как хотите, — и почти враждебно оттолкнула Дмитрия. Должно быть ей сделалось стыдно своего поступка. Она хотела поправиться и сказала уже совсем лишнее: — Дмитрий Васильевич, вы живете в очень плохих условиях. Я знаю, не перебивайте, я знаю.

— Вам не нужно было бы говорить об этом, — глухо ответил Дмитрий. Луиза Карловна ничего не ответила. Не прощаясь, она пошла домой одна.

2

На следующий день Дмитрий, первый раз после болезни, проводил занятия. Хоть он и подготовился к урокам, но, подходя к классу, слышав немолч-

ный гул учащихся, смутился и почувствовал, что забыл все то, что он хотел провести на сегодняшний день. Ему вспоминалась ненасытимая жажда ребят, требовательных к словам и поступкам учителя. Ему представилось, что сегодня он не овладеет вниманием ребят, будет скучен, длителен, угловат, и под конец раскритичится и непоправимо скомкаст урок. В будущем предстоит длительная борьба между ним и учениками, борьба за внимание, доверие, и вероятнее всего ученики победят учителя, — Дмитрий чувствовал себя слабым.

В перемену раскрасневшийся он пришел в учительскую. Ермолаев, оглядев его, покачал головой.

— Опять пересаливаете Дмитрий Васильевич? С первого дня так и раскраснелись. Не протяните до конца, — сказал он.

Дмитрий ничего не ответил.

— Наших ребят нужно учить не только наукам, но и поведению, важно вставить свое замечание, развалившись в кресле Хрисанф Игнатьевич.

— Совершенно справедливо, — откликнулся Ермолаев.

— Удивляюсь, — пожал плечами старший Зайцев, в школе совершенно не чувствуется, что родители внушают своим детям навыки хорошего поведения.

— Да, — пожала плечами Роза Исаевна.

3

В Нардоме еще шли спешные приготовления, когда Дмитрий пришел за билетами. Об этом вечере много говорили и посетить его собирался «цвет» фабричного поселка — администрация с фабрики, учителя, — все конечно с женами и взрослыми домочадцами. Рабочие неохотно посещали такие собрания.

Как всегда фойе декорировал Татьяна. С помощью школьников он прикрепил к задней стене

огромное панно, изображавшее яркого павлина с пушистыми перьями, тянувшегося маленькой серенькой головкой к солнцу. По диагонали фойе была протянута проволока, сплошь унизанная флажками и разноцветными пузатыми фонариками. Около столиков буфета были поставлены сиреневые веера, с нарисованными на них пестрыми китаянками.

Комната, рядом с буфетом, — читальня предназначалась для продажи пива. Здесь декоративные цвета были однообразней — преобладал желтый и зеленый. Крупными буквами по стенам было написано: «Пиво», «Nala» и «Bier». Татьяна уверял, что пивная декорирована в английском стиле.

Получив билеты, Дмитрий повернул к выходу. У дверей он столкнулся с предфабкома.

— Ну сегодня вся публика будет из-за «китайской стены». «Китайской стеной» назывался в поселке большой забор, отделявший с давних времен дома для администрации от рабочих кварталов.

— Недаром в «китайском стиле» украсили зал — ответил Дмитрий.

— Чорта с два разберешь стиль. Пестро, непонятно... А все же, видать, школа получит кое-что с этого вечера, — заметил Иван Григорьевич.

Дома Дмитрий застал Серафиму, занятую приготовлениями. Он побоялся сказать что-либо по этому поводу. Самому ему даже не хотелось почистить ботинок.

Большой живот Серафимы — она была давно беременна — кругло выпирал из под шелкового гладкого платья. При ее спокойной осанке она походила на торжественно шествующую, гордо несущую новую жизнь в себе, римскую матрону.

На улице Серафима, поддерживаемая Дмитрием, споткнулась.

— Ты, не умеешь даже взять под руку.

Всю дорогу она молчала. В Нардом они пришли, когда все уже были в сборе.

Дмитрий некстати декламировал:

«Тут был однако цвет столицы, бонтон и моды образцы, неподражаемые лица, неповторимые глупцы».

— Ты просто скучен, — с ожесточением ответила Серафима.

«С своей супругою дородной приехал толстый Пустяков» — не унимался Дмитрий.

— К тому же ты еще глуп, — Серафима капризно отстранила Дмитрия и подошла к группе знакомых, пестро разодетых женщин. Женщина-врач — в нелепо пунцовом платке, бросилась навстречу Серафиме.

— Ах милая, вы все еще среди нас. Да? Представляю, какой у вас будет прекрасный ребенок. Только поменьше волнуйтесь.

Дмитрий неловко осклабился и юркнул в курилку. Там он встретил предфабкома, тоже приодетого, и так же как Дмитрий, смущенно жавшегося к стенке.

— Видал? — спросил коротко Дмитрий.

— Никак не пойму, откуда это у нас в поселке, на фабрике набрался такой народ?

— А разве фабрика мала? — смеясь спросил Дмитрий.

— Пять тысяч рабочих, — простодушно заметил Иван Григорьевич.

— Ну вот. На каждого рабочего клади полмещанина из-за «китайской стены», сколько выйдет?

— Ну больше не получают они Нардома, — ожесточенно ответил предфабкома.

К нему подошло несколько рабочих. Предфабкома весело похлопал одного по плечу.

— Хоть ты и в новой паре, а сегодня дурнем здесь выглядишь. Пойдемте-ка пиво пить.

Дмитрий вместе с ними вошел в комнату, выдер-

жанную, по уверению Татьянина, в английском стиле.

Там уже сидел благодушно тянувший пиво Ермолаев.

— А, живая душа на костылях! — закричал он, видя Дмитрия. — Присаживайся, заказывай на трех языках. Ольга Яковлевна, Дмитрию Васильевичу полдюжины бира и порцию горошка.

Ольга Яковлевна живо и мило поставила на столик требуемое. Дмитрию ничего не оставалось другого, как сесть.

— Четыре с полтиной, — обворожительно улыбаясь, сказала Ольга Яковлевна Дмитрию.

— В пользу школы, друг, — заметил Ермолаев. — Дорого, но зато в придачу розовая улыбка Ольги Яковлевны. Превосходно. — И Ермолаев небрежным жестом опрокинул бутылку горлышком в кружку, вспенивая пиво.

— Не нравится мне все это, — уныло обронил Дмитрий.

Еле передвигая ноги, к ним силился подойти Павел Павлович.

— Вот и он, — увидев его, закричал Ермолаев.

— Ну, ну, ну... — подзывал он Павла Павловича, — топ, топ, одной половиночкой.

Павел Павлович набрался духа и по прямой линии налетел на сидевших. Ермолаев ловко подхватил его под руки и усадил рядом.

— А я... уже, — только и сообщил Павел Павлович и потянулся за стаканом.

— Нравоучительно, — ответил в тон Ермолаев.

Дмитрий встал из за стола.

— Что вы?

— Чай за женой надо поухаживать?

— А она... у него... того... — пьяно мигая, бормотал Павел Павлович. И пояснил широким жестом.

— Ну ты и нагрузился, милый.

Уже было два звонка, но публика гуляла в фойе

и не спешила занимать места. Все хотели протянуть этот вечер как можно дольше.

Мимо Дмитрия прошли с женами — учительницами, братья Зайцевы. За ними гурьбой: Серафима, оживленная, сияющая женщина-врач в пунцовом платье, еще несколько незнакомых Дмитрию франтих. Между ними важно шествовал Хрисанф Игнатьевич Парыгин. Его пушистые усы сердито шевелились, когда он, проходя мимо, поклонился Дмитрию. Серафима была счастлива.

5

Дмитрий еле высидел вечер. В нем все клокотало, напоминало о близости нервного припадка. Среди оглушительных аплодисментов, напрягая силы, он старался быть спокойным.

Ему не хотелось смущать Серафиму, увлеченную, покрасневшую. Сидя рядом с ней, он старался не нарушать ее восторга. Серафима, давно не слышавшая музыки, восторженно аплодировала игравшему на виолончели меланхолическому, вялому агроному, хоть Дмитрию игра показалась скучной и неумелой. Агронома сменила жена инженера. Это была особа с тонкими икрами и необычайно толстыми ляжками: когда она вставала на носочки туфелек и улыбалась, казалось, что ноги ее переломятся в коленях. Руки ее соломинками трепыхались над сборами балетного костюма, она резв носила по сцене толстое тело, улыбалась накрашенным ртом и что-то щебетала о ласточках и весне.

Высокая, красивая женщина сильным голосом великолепно спела разудалую песню, заканчивающуюся призывом «забыть тоску и горе».

Были частушки, хоровое пение, разыгран фарс в одном действии.

И в заключение была показана живая картина. На отвесном высоком утесе, у подножья которого

собралась разноплеменная толпа, белая с распущенными волосами женщина продекламировала о том, что надо крепче и выше держать красное знамя. После этого самодовольный, улыбающийся, конферансье — бухгалтер из фабричной конторы, с низким поклоном объявил об окончании концерта и пригласил почтеннейшую публику в фойе, где под духовой оркестр должны были начаться танцы.

Возвращаясь домой, Серафима без устали говорила о восхитительном вечере. Но поэтический восторг не помешал ей лишней раз упрекнуть мужа за то, что он поделился уроками с Лениным.

— Хрисанф Игнатьевич недоволен тобой, — ворчала Серафима.

— Знаю.

— С самого приезда ты захотел все изменить, а что случилось?

— С ума сошел, — ответил Дмитрий.

— И вновь сойдешь, — жестко оборвала Серафима.

— Ну теперь не страшно. Нас двое — я и Оленев.

— Оленев? — удивилась Серафима. — А ты видел, как за ним увивались дамы?

— Дело не в дамах. Дело в том, что он так же, как я, понимает, что наша школа находится в ненормальных условиях.

Серафима надулась и больше не сказала ни одного слова.

Г Л А В А VI

1

На другой день, после вечера в Нардоме, Дмитрий разыскал комнату, в которую хозяева пускали и с ребенком. Новый дом находился все в том же ряду кооперативных домов, построенных вдоль железнодорожной ветки, соединявшей фабрику с

Северной железной дорогой. В новой квартире было сыро и к тому же в широкие щели пола неизмеримо дуло. Серафиме не нравились и комната и хозяева. Но делать было нечего. Искать другое помещение было бесполезно. Пришлось согласиться.

Они переехали вечером. Дмитрий вез на санках жалкий скарб, узлы с книгами. Чтобы отгородиться от хозяев—комната к тому же была проходная—Серафима протянула от стены к стене проволоку и повесила цветную ситцевую занавеску. Дети хозяев беспрерывно заглядывали за занавеску, их занимала жизнь новых жильцов. Кровати у них не было, пришлось воспользоваться, наскоро сделанными, козлами и разостлать на них доски. Неуклюжее ложе заняло половину комнаты. Хозяйка, толстая, откормленная с серыми злыми глазами, презрительно поджав губы, следила за тем, как Дмитрий и Серафима устраивались в своем углу.

Серафима с трудом уснула в эту ночь. Из хозяйской комнаты, из-за ситцевой занавески долетал несмолкаемый злобный шопот. Хозяйка делилась с мужем впечатлениями дня.

— Это они о нас шепчутся, — раздраженно заметила Серафима.

— Ну и пусть.

— Если бы мы привезли комод, дюжину венских стульев, да два кованных железом, полных скарба, сундука, эти люди оставили бы нас в покое.

— Здорово, Серафима, — похвалил Дмитрий.

Серафима привстала, казалось, она готова была обрушить на Дмитрия поток укоризны за разочарования и обиды целой жизни. И наконец она разрыдалась, дрожа всем телом, бессильная заглушить вырывающиеся стоны.

В спальне хозяев прекратилось шушукание. Но когда Серафима умолкла, шопот возобновился с удвоенной силой.

В эти дни Дмитрий заметил, что утерять твердо намеченный метод преподавания. Как-то спросил он об этом Ермолаева.

— Какая там твердая почва, — махнул тот рукой. Прорабатывай от сих до сих — и будет. А главное поменьше волнуйтесь. Волнение не обязательно, молодой человек.

Оленев по прежнему неохотно бывал в учительской. Луиза Карловна была в восторге от него. Она уже слышала о необыкновенном впечатлении, произведенном Оленевым на дам из за «китайской стены».

Как-то после занятий, когда в учительской кроме Дмитрия были Оленев и Луиза Карловна, разговорились о делах. Говорил Оленев.

— С внешней стороны школа образцова. Но я убежден, что только с внешней. В школе нет ученических организаций. Школьный комитет выбран под руководством Парыгина, с его благословения. А кто секретарь школьной комсомольской ячейки? — Сын церковного старосты. Хрисанф Игнатьевич, всеми уважаемый спец и организатор. Но в старших группах почти отсутствуют дети рабочих. Пол в школе блестит, ребята приносят удовлетворительные зачеты. На первый взгляд чего же еще пожелать? Коллектив учащихся у нас не сплочен. Каждый против всех и все против одного.

— И к тому же ни у одного нет твердой установки в работе, — заметил Дмитрий.

— Предлагаю создать оппозиционную группу в противовес Парыгину, — предложила Луиза Карловна.

— Я воздерживаюсь, — уклонился Оленев — и, не прощаясь, вышел из учительской.

— Что же и нам пора? — поднялся Дмитрий.

В коридоре его догнал ученик выпускной группы Лень Рыжаков.

— Дмитрий Васильевич, мне нужно поговорить с вами.

Они вошли в свободный от занятий класс. Рыжак говорил горячо и напористо.

— Мы, группа комсомольцев и ребят из рабочих, собрали недавно собрание. Душно в школе. И многое нашли, да никто не поверит нам: школа на лучшем счету в Губоно. Матери без ума от Хрисанфа Игнатьевича и Розы Исаевны. Они так ласковы с родителями. А мы занимаемся и... точно тупеем. Воздуха мало, — закончил Леня.

— Подумаем, Леня... А потом при случае поговорим — пообещал Дмитрий.

— Мы верим вам, — горячо сказал Леня, пожимая руку Сетова.

Дмитрий с радостью думал о том, что наконец и дети начинают догадываться о положении в школе. Этого еще не было осенью.

— Мы еще повоюем, — шептал Дмитрий, нервно потирая виски.

Дома его встретила потоком жалоб Серафима. Она дрогла от холода, возмущалась от подозрений следившей за каждым ее шагом хозяйки.

— Я ходила на старую квартиру досыта наплакалась. Как там хорошо было.

— Ну что же делать?

— Надо искать другую комнату. — Серафима истерически вскрикнула и побледнела от внутренней боли.

— Митя, — позвала она. — Кажется сегодня я рожу. Мне страшно...

Приступ боли прошел и не повторился до вечера. Серафима прилегла было на кровать отдохнуть. Кто-то, любопытствуя, приподнял край занавески.

— И родить спокойно не дадут, — зло сказала Серафима.

Хозяйка ушла в свою комнату сообщить мужу новость. На смену ей пришли детишки. Они глядели из кухни в щелки дощатой переборки.

— Пойдем, — решительно сказала Серафима, — с трудом поднимаясь с кровати.

— Куда? — спросил Дмитрий.

— В родилку, глупый.

3

Было уже темно. Вдоль полотна железной дороги, по которому шли они, изредка попадались прохожие. Уже давно пропел пятичасовой гудок.

Серафима перед разлукой заботливо наказывала Дмитрию не тратить лишних денег.

— Есть горячий обед — значит весь день сыт.

В тесной прихожей родильного приюта было необыкновенно тихо. Только где-то в дальней комнате неистово кричала женщина, да всхлипывал новорожденный где-то поблизости. Серафима боязливо прижалась к Дмитрию. Он шопотом сказал, что-то успокаивающее, остро до боли понимая, что успокоить ее сейчас нельзя, что облегчить ей предстоящие муки невозможно. Ей, одной ей, нужно будет страдать. Он с робостью привлек ее и прошептал:

— Сима, не бойся... Ничего не случится.

Дмитрий понял, что Серафима всем существом своим прислушивалась к страшному крику женщины в дальней комнате. Как-то сразу она сделалась чужой, затаенной.

— Боишься? — спросил он.

— Нет, — ответила она. — Надо кого-нибудь разыскать здесь. Не стоять же в коридоре? и отчужденная, не глядя на Дмитрия, направилась вглубь помещения.

Из соседней комнаты тихо вышла женщина. Увидав Серафиму и привычно оглядев ее, она остановила ее вопросом:

— Вы, родить?

— Да, спокойно, уверенно ответила Серафима.

— Схватки были?

— Были.

— Идемте за мной. Нужно раздеться. Я позову дежурную акушерку.

Дмитрий наблюдал за ними из дверей. Они говорили шопотом мирно и серьезно о чем-то, присутствием только женщинам.

Потом сиделка вынесла Дмитрию узел с платьем Серафимы.

Она выглянула из дверей уже одетая в зеленую ватый, потертый, короткий халат. На ногах у нее были стоптанные старые туфли. Дмитрию стало жаль Серафиму до боли. Хотелось помочь. Он неуверенно шагнул к ней. Серафима улыбнулась. Но сиделка остановила.

— Идите, идите. . . Вам больше здесь нечего делать.

— Итти? — спросил Дмитрий Серафиму.

— Ну конечно, — засмеялась она. И снова показала Дмитрию чужой и далекой.

— Постой, — остановила Серафима словно догадываясь о его переживаниях. — Сейчас придет акушерка и осмотрит меня. Подожди там в коридоре.

Она скрылась за дверь вместе с сиделкой.

Дмитрий остался один в подавляющей тишине. Крики женщины неожиданне стихли. На смену им пришла суэта нескольких человек. И вдруг испуганно и громко, точно защищаясь на жизнь и смерть, тишину расколол голос новорожденного. Мимо Дмитрия по коридору прошла сиделка вместе с другой женщиной, — повидимому, акушеркой; они вошли в комнату, где оставалась Серафима. Дмитрий отвернулся, чувствуя, что сейчас он выглядит необыкновенно глупо. Спустя несколько минут акушерка вышла.

— Все благополучно — сказала она — роды начнутся часа через два.

— Через два часа? — спросил Дмитрий, точно этом было что-то влияющее на ход родов. Слова с трудом доходили до его сознания.

— Сухариков кондитерских не забудьте принести, — сказала акушерка и, распрощавшись с Дмитрием, пошла к Серафиме.

Больше нечего было делать. Дмитрий собрал в узел вещи и вышел на крыльцо.

Кругом было по прежнему пустынно; уныло чернели постройки. Ветер доносил несмолкаемый шум фабрики. Где-то далеко лаяла собака.

Увидав из кухни Дмитрия, проходившего с узлом вещей в свою комнату, хозяйка насторожилась, в ожидании новостей. Однако, он прошел, не сказав ни слова. Тогда, не вытерпев, она осторожно, ступая на цыпочках, оттянула занавеску, перегораживающую комнату, и заглянула к Дмитрию.

— Серафима Андреевна там? — многозначительно спросила она, и ушла в свою комнату поделиться новостями с мужем. Слышно было как дети громко переспрашивали мать:

— Что маленький родился?

Дмитрия поражала неведомо откуда нахлынувшая пустота. Ни мыслей, ни переживаний. Недоставало Серафимы? Нет не то. Плохая обстановка кругом? Живал и хуже. Так что же? Дмитрий присел к столу и жадно закурил. За окном падал снег. Одиночество становилось нестерпимым. Серела стена коровника. Дмитрий оделся и вышел на улицу. Хотя и торопиться некуда было, но шел он быстро. Проходя мимо старой квартиры, где теперь жил Оленев, он остановился. Оленев сидел за столом над книгой. В позе его Дмитрий увидел ничем ненарушимое спокойствие. Мимолетное чувство зависти овладело им. Незаметно для себя он дошел до родильного дома. Постояв несколько минут в совершенной тишине, Дмитрий решил свернуть на Советский проспект. Здесь было много гуляющих и много света. Среди улицы шумной кампанией бежали лыжники. Передний быстро и легко приседал, могуче отталкиваясь палками. За ним,

догоняя, попевали другие. Дмитрий завернул в Нардом, прошел в библиотеку, разыскал свободное место и взял газету. В передовой говорилось об урожае, о колхозах, о необходимости поднять выход товарного хлеба.

Прочитав газету до подписи редактора, он вспомнил, что сегодня в восемь заседание школьного совета.

4

Открывая собрание, Парыгин обвел взглядом присутствующих и спросил:

— На лицо все?

Раиса Павловна, вслед за Парыгиным оглядела сидевших в комнате и, наклонившись к столу, ответила:

— Все.

— Заседание школьного совета считаю открытым, — объявил Хрисанф Игнатьевич.

Толстый Ермолаев без устали шевелился на месте, точно стул под ним был особенно жестким.

Бесстрастно молчал Оленев. Братья Зайцевы, сидевшие друг против друга, вынули по блокноту и в тоже мгновение застыли с карандашом в руках, сосредоточенно прислушиваясь, что скажет заведующий. Роза Исаевна замерла в тихом смирении, готовая в любой момент согласиться с Парыгиным. Татьянин, изящно изогнув голову, словно священнодействуя, чертил на бумаге сложный рисунок. Луиза Карловна, сидя у печки, вдали от стола, нахмуренная, пыталась изобразить недовольство окружающих. Всем своим видом она говорила: «наш зав грубиян, деспот, не ценит людей и хотя все перед ним трепещут, но я... не боюсь его, не боюсь, не боюсь». . . И только один Павел Павлович, как всегда безучастно, приготовился слушать, думая вероятно всего скорее об оставшейся

водке в графине, — хватит или нет на похмелье, когда он придет домой с заседания.

Представитель комсода, деловито нахмурясь, углубился в рассмотрение бумаг, принесенных им с собой для доклада. Леня Рыжаков кипел от нетерпения, готовый дать бой заву.

Кроме педагогов на собрании присутствовали: представитель от родителей, рабочий, и шустрая Зоя Подъельных, представительница от учащихся, шаловливо шептавшаяся с соседом, не замечая сосредоточенности присутствующих. Хрисанф Игнатьевич торжественно объявил:

— Повестка дня следующая: первое — о смотре школы; второе — распределение средств, полученных от комсода и третье — разное. Какие-либо дополнения или изменения есть? — и не глядя ни на кого, с чувством превосходства над окружающими, иронически улыбаясь добавил.

— По первому вопросу слово для доклада имеет представитель комсомола, товарищ Кряквин.

Братья Зайцевы изподтишка, недоверчиво взглянули на комсомольца. Татьянин начал рисовать еще прилежнее. . .

Кряквин, чувствуя окружающее недружелюбие, взял сразу уверенный и решительный тон.

— Товарищи, по примеру других районов и наш райком комсомола, решил произвести смотр здешней школы II ступени. Задачи этого смотра следующие. . .

Заглядывая в листок бумаги, он начал излагать собранию цель предстоящего смотра. По мере того, как он говорил, речь его текла все ровнее. Вероятно, он обстоятельно приготовился к докладу среди учителей.

Когда Кряквин дошел до методов работы, Ермолаев шумно задвигался на месте. Иннокентий Фомич переглянулся с Викентием Фомичем, а Татьянин небрежно заиграл карандашиком в руке. У всех на лицах выразилось единодушное недоумение: —

«разве комсомолец может понимать что-нибудь в методах?..».

Кряквин продолжал:

— Товарищи, мы не входим в сложные детали педагогики. Мы недостаточно к этому подготовлены, но мы настойчиво будем бороться хотя бы на первый раз против заданий на дом. Мы не знаем как нужно преподавать, чтобы избежать домашней работы, но ни в коем случае не позволим, чтобы ребята сидели по четыре-пять часов дома за учебниками, а чаще всего за переписыванием с грязновой тетради на чистовую. Ребята должны заниматься умственным трудом 5-6 часов в сутки, максимум 7, а они занимаются 10—12 часов. Это недопустимо. В школе 5-6 часов, в кружках 2-3 часа, да еще дома 4-5 часов. Надо поставить преподавание таким образом, чтоб ребята усваивали знания только в классе.

Кряквин еще долго говорил о различных непорядках школы, старательно избегая задевать личности. Заметно было, что Кряквин от ребят знал кое-что и о Парыгине, и о Ермолаеве, который на уроках, говоря о современности, систематически дискредитировал каждое новое начинание так, что у ребят создавалось несерьезное, а иногда и насмешливое отношение к действительности; знал, вероятно, и о причинах ухода нынешней осенью молодого учителя-географа. Кончил он среди общего настороженного молчания.

— Кто имеет вопросы? — спросил Хрисанф Игнатьевич.

Осторожненько, придвигаясь к Кряквину, первый вопрос об организационной стороне дела задавал Иннокентий Фомич. Потом усмехнувшись всезнающей улыбкой, спросил об организации смотра Татьянин. На лице его была крепкая уверенность, что Кряквину не справиться с делом, а преподаватели по его твердому убеждению, не помогут.

— Мы ждем, товарищи, помощи от вас, — ответил Кряквин на одно из замечаний.

По докладу, с записной книжкой в руках, придвинувшись со стулом к столу, начал говорить Ермалаев. . .

5

После собрания Дмитрий вышел с Луизой Карловной.

— Пожалуйста, идемте со мной.

Та удивленно посмотрела на него.

— Я вам объясню все, — сказал Дмитрий.

Снег перестал сыпать. Ночь была темная, глубоко запорошило тропинки. Луиза Карловна бросала в Дмитрия комками снега.

— Ну, верный муж, — хохотала она.

Когда они дошли до родильного дома, Дмитрий остановил Луизу Карловну.

— Будьте добры, зайдите сюда, — указал он на крыльцо. — Вы, вероятно, знаете служащих, а то мне ночью неудобно.

— Зачем? — удивилась та.

— У меня там жена.

Оставив Дмитрия, Луиза Карловна стала стучать в двери.

— Кто? — слышалось изнутри дома.

— Вера Павловна, это вы? — узнав по голосу, ответила Луиза Карловна.

— Да, — откликнулась акушерка и открыла дверь.

— Скажите, как Сетова, жена учителя?

Сердце у Дмитрия забилося. Было очень тихо, только далеко на фабрике шумел выпускаемый пар. Дмитрий услышал простую, заученную фразу акушерки:

— Благополучно, дочь.

Утром он стоял около Серафимы, похудевшей и бледной, лежавшей неподвижно. Рядом на кровати

спало сморщенное, со старушечьим лицом, маленькое неподвижное существо. Дмитрий с удивлением смотрел и на осунувшуюся Серафиму и на это, казавшееся нахмуренным, умное старческое лицо ребенка.

Г Л А В А VII

1

В школе начался смотр. Смотровая комиссия состояла из Кряквина от райкома комсомола, Лени Рыжакова — от учкома, еще двоих учащихся и Евгения Ивановича Татьянина, выделенного от учителей. Первые номера стенгазеты обсуждали работу ученических организаций: шика, учкома, класскомов, санкомиссий и т. д. Дальше следовала самокритика учащихся, писали о дисциплине, работоспособности, распределении времени, обо всем, связанном с бытом учащихся. Затем предполагалось осветить работы организаций, ведающих помощью учащимся в материальном отношении, снабжающих пособиями: комсода и ячейки общества «Друзья детей». Наконец, намечался отдельный номер, посвященный методам школьной работы, степени подготовленности учителей, и отношению их к делу.

Первые номера прошли для учительской почти незаметно. Преподаватели ждали «своего» номера. Заметно волновались, нервничали.

Ермолаев махал рукой.

— Ничего не выйдет. . . Полноте. Ни один человек в комиссии не понимает ни уха, ни рыла в учебной постановке дела. Шум один. Шумим, братцы, шумим.

— Так невозможно работать, — страдальчески говорил Иннокентий Фомич, — авторитет учителей подорван, ребята не слушаются, каждая организация вмешивается в дела школы своим, часто нера-

зумным, словом. И притом, — он понижал голос, — наш заведующий такой жесткий человек. Ужасно.

— Я уйду отсюда, — заявил Ермолаев. — Найду себе какую-нибудь семилетку в деревне и буду сам заведывать.

— Да ведь не каждый в заведующие метит, — возражал Зайцев, губы его сжимались в жалкой улыбке.

— Нет, я сама напишу в стенгазете все, все, все, — торопливо волнуясь кричала Луиза Карловна.

— Не напишите. Вот в том-то и дело, что мы интеллигенты не умеем бороться, — тянул Иннокентий Фомич.

— Умеем, — внятно сказал Оленев, отмечавший в журнале пропуска учащихся.

С приходом Раисы Павловны и Розы Исаевны разговор оборвался. Учителя боялись их — как шпионов Хрисанфа Игнатьевича.

Звонок напомнил учителям о необходимости разойтись по классам.

2

Наконец вышел номер стенгазеты, посвященный методам работы. Здесь были заметки о преподавателях. Правда, они писались без знания дела, авторы больше ограничивались замечаниями о том, что «нам этот преподаватель нравится, а тот — нет», но, прочитав безыскусственный рассказ о себе самом, в котором была похвала его работе, Дмитрий почувствовал разлившееся по всему телу тепло удовлетворения.

Но в последнем счете все недочеты, выявленные смотром, были несущественны. Дело ограничилось торжественным выпуском семи номеров стенгазеты, содержание которых заранее всякий знал. Пожелание «поднять работу на более высокую вы-

соту», как выразился один из авторов статьи, увенчало смотр.

Комсомолец Кряквин, уходя из школы, выглядел смущенным, точно во тьме он нечаянно наткнулся на мешок с мукой. Прощаясь с преподавателями в учительской, он уже не держался так напористо и бодро, как в первый раз, после прихода в школу.

Проводив Кряквина, Ермолаев преспокойно развалился на стуле, насмешливо откашлялся и сказал:

— Жаль парня. Но что ж поделаешь. Провести кампанию ему надо, а нам усидеть на своих местах. Так что помогать ему нам не с руки.

На этом смотр и кончился. Хрисанф Игнатьевич, струсивший было в начале, вновь расхаживал шагом отца-командира по классам. Братья Зайцевы, тоже струсившие перед смотром, теперь расправили крылышки, точно вылупившиеся из яйца цыплята. Татьяна после заключительного номера стенгазеты пришел, надушенный, напудренный с сияющим пробором. И только одна Луиза Карловна возмущалась вслух смотром, не принесшим никаких результатов.

Оленев, на замечание Дмитрия о плохом конце хорошего дела, как-то загадочно ответил:

— Нельзя сразу, мой друг.

И все же после смотра ребята в школе чувствовали себя лучше. Наблюдалось оживление, рост работоспособности. Ученики, после похвальной заметки, Дмитрия встретили в классе веселыми выкриками:

— Правильно, Дмитрий Васильевич, вы хорошо с нами занимаетесь.

— Главное, все объясняете! И не застрашиваете зачетами! И из класса не выгоняете!

Дмитрий едва не прослезился и с бьющимся сердцем приступил к занятиям.

В тот день Серафима выписалась из больницы.

На улице был мороз, градусов двадцать. Дми-

грий нес узел с бельем. У Серафимы на руках был ребенок, завернутый наглухо в одеяло. Осторожно подвигались они вдоль полотна железной дороги от родилки к дому. Серафиме хотелось многое сказать и она порывалась поделиться жутким и радостным, испытанным ею за две недели в больнице. Но Дмитрий останавливал ее, указывая на еще неокрепшее здоровье.

— Холодно. Замолчи. За разговорами уронишь Галю.

Дома, в прохладной комнате за занавесочкой Серафима нашла невероятный хаос. Она разразилась тут же упреками, обвиняя Дмитрия в неряшливости. Дмитрий, довольный возвращением Серафимы, молчал, глядя на ее живые, уверенные движения, восхищаясь неугомонной, выносливой женщиной.

Полуоткрыв личико ребенка, положили его на стол. Серафима сооружала кроватку из продолговатой коробки, поставив под нее две табуретки.

Квартирная хозяйка, вместе со своими наследниками, пришли смотреть ребенка. Насмотревшись и с удовлетворением мотнув головой, она задала более всего интересовавший ее вопрос:

— Крестить-то будете?

— Нет, — ответила Серафима, взбивая подушку для дочери.

— Дети, марш в свои комнаты, — скомандовала хозяйка и, негодуя, вышла из комнаты.

— Знаешь, по ее мнению, некрещенный ребенок — поганый, — она уже больше не подойдет близко к нему.

— И ладно, — махнул рукой Дмитрий.

Он был занят сосредоточенным разглядыванием спящего мирным сном хмурого розовенького существа.

При перекладывании в приготовленную кроватку ребенок проснулся и заплакал.

— Холодно у нас в комнате, — сказала Серафи-

ма, беря ребенка и собираясь кормить, — как бы не простудить? . . .

Ребенок начал энергично с прищелкиванием сосать грудь.

— Холодно, — а хозяйка еще начала стирать. Это нарочно. Чорт знает! — ожесточенно сказала Серафима.

Из кухни клубами шел пар, пахнувший грязным бельем; за щелеватой переборкой хозяйка, несмотря на поздний вечерний час, затеяла стирку.

Ночью они были снова разбужены криком ребенка.

— В родилке она не плакала. И ночью я не кормила. Нет, это наверное от холода или же клопы? . . . С ребенком провозились до утра, отогревая его у себя на кровати.

— Сегодня же найди другую комнату, —скомандовала Серафима.

Весь день Дмитрий рыскал по поселку, ища комнату. Ему нужно было теплое, просторное помещение у отзывчивых добрых хозяев. На другом берегу реки, напротив фабрики в одной из деревень он нашел крестьянскую семью, работающую на фабрике. Сдаваемая комната была хотя и тесновата, но хозяева полюбились Дмитрию с первого взгляда.

— Как же переехать? — соображал Дмитрий.

— А вот Василий запряжет лошадь и съездит за вами, — сказала хозяйка.

— Что ж можно, — отозвался Василий.

Вечером довольная, подобревшая Серафима, засучив рукава, впервые купала сама спокойного, красного от горячей воды, ребенка. Хозяйка учила завертывать, помогала укладывать в кроватку.

— Полноте вам, Александра Ивановна! — восторженно воскликнула Серафима.

— Скоро две недели ребенку, да этакий большой — он на ножках прыгать будет, — говорила Александра Ивановна.

— Десяти фунтов с половиной родилась, — горделиво заявила Серафима.

Ребята толпились тут же, разглядывая девочку.

Дмитрий и Василий Ефимович — хозяин, с первой встречи сделавшиеся приятелями, благодушно курили на кухне.

Г Л А В А VIII

1

Триместр близился к концу. Начались бесчисленные заседания. Преподаватели в своих записных книжечках проставляли отметки: — «пу» — проработал и усвоил, «пну» — проработал, но не усвоил, «нпну» — не проработал и не усвоил. Роза Исаевна — руководительница группы I-а — хлопотала больше всех, беспрестанно обращаясь к учителям за справками. Она, уже по давнишнему правилу, договорилась с женщинами с фабрики о том, что сумеет настоять перед учителями и ее ученикам — детям работниц — выставят по всем предметам «пу». Как-то на улице, вечером, Дмитрий случайно услышал разговор Розы Исаевны с одной из женщин.

— Ваш мальчик способный, но Дмитрий Васильевич — учитель математики небрежно выставляет отметки. . . Возможно, что ваш сын и теперь принесет неудовлетворительный зачет.

— Вы уж пожалуйста, Роза Исаевна, похлопочите, — упрашивала женщина. — Куда деваться с ребенком, надо учиться. А вдруг не переведут?

При следующей встрече в учительской Роза Исаевна несколько не смутилась; наоборот, она смотрела на Дмитрия вызывающе, как бы говоря: за моей спиной поддержка работниц и непоколебимый авторитет человека со «старым» высшим образованием.

Перед концом занятий, Роза Исаевна неотступно

приставала к Дмитрию, настойчиво прося выставить отметки еще до школьного совета.

— Мне нужно знать, как учатся мои ученики, — твердила она.

— Я еще проверю, подумаю, — устало говорил Дмитрий.

— Но ведь вы уже два триместра занимались, — наверное знаете учеников?

— Нет, не знаю.

Роза Исаевна качала головой и подходила со списком к следующим преподавателям.

Луиза Карловна нервно раздражалась, говоря о необходимости ставить зачеты, как можно тверже.

— Надо раз навсегда сказать ученикам, что мы ставим удовлетворительно только тогда, когда они действительно проработали.

Ермолаев, садясь за список, выставлял зачеты со смешком, напоминая о «невозвратном далеком», когда были тончайшие градации определения способностей — от единицы и до пятка, с плюсами, с двумя плюсами, минусами, с двумя минусами.

— А у нас в гимназии инспектор по латыни еще и с тремя минусами ставил. Пятнадцать, двадцать градаций! А то «пу», «пну», «непну» — чортова перечница, — ворчал он.

На школьном совете, когда стали зачитывать отметки, выяснилось, что Дмитрий и Луиза Карловна поставили, больше всех неудовлетворительных зачетов.

Луиза Карловна, задыхаясь, кричала о том, что она не может, не имеет никакого права выставлять хорошие отметки, когда ученики ничего не знают.

— Слово по этому вопросу предоставляется представителю от родителей тов. Воропанову.

Воропанов, путаясь, рассказал о том, что его дети, приходя из класса, каждый день жалуются на немку.

— Она кричит на детей, топает ногами, тогда как другие учителя обращаются с ребятами веж-

ливо. Наши — дети рабочих, а потому кричать на них не полагается — заключил он.

— Товарищи! — не утерпев, крикнул Дмитрий, не взяв слова у председателя.

— Дмитрий Васильевич, — сразу становясь злым, остановил его Хрисанф Игнатьевич. — Я не даю вам слова. — Но уже было трудно остановить Дмитрия.

Он яростно бросал слова:

— Так, вот, я говорю. . . У нас был смотр школы. Комсомольская ячейка не разобралась с положением школы. Ячейку обезоружили, дав ей понять, что они ничего не понимают в методике. Смотр вылился в пустое шуточное передергивание. Наша школа старая, хотя обществовед заменяет законоучителя, потому что наша школа построена не на трудовых началах. . . Труд организует и укрепляет людей. Старая истина. И эту истину знают педагоги. А они, преподавание так строят, что из школы выходят не трудящиеся, а нечто кисло-интеллигентское. У нас в школе в выпускной группе «Б» — 25 девушек из рабочей среды. Но вы бы видели, что это за работницы: с напудренными лицами, с манерами жеманниц и со вкусами провинциальных мешанок. Все они испорчены школой, внушившей им, что они уже «образованные», стоящие выше массы. В этом вина школы. А что делают родители? Они внушают ребятам, что те больше уже не будут стоять за станком, уже не будут гнуться на тяжелой работе.

Дмитрий обвел присутствующих помутневшим взглядом и с усилием выкрикнул:

— Когда я, сын крестьянина, осенью приехал в школу, среди учащихся шли разговоры, что их приехало учить мужичье. . . Кто это пускал такие слухи? — Голос его осекся и он замолчал.

Оглядевшись по сторонам, он увидел лица враждебные, искаженные злобой. Дмитрий ощутил невероятную слабость. Он мешком опустился на стул.

Ноги его дрожали. В мертвом молчании окружающих он чувствовал себя одиноким и бессильным.

2

На другой день в школе Дмитрий почувствовал вокруг себя стену глухой враждебности. Но что всего более удивило Сетова это то, что Хрисанф Игнатьевич при встрече осклабился и любезно заявил:

— Устали вы, Дмитрий Васильевич. Я как администратор школы должен вам посоветовать обратиться к врачу. Все конечно останется между нами. В школьной семье — и поругаются и помиряются. Я думаю, что и присутствующие, — представители различных организаций, после того, как я объяснил им, что вы больны, отнесутся весьма мягко к вам. Будемте продолжать работать, доверяя друг другу, — и Парыгин пожал руку Сетова.

Учителя, видя, как отнесся к Сетову заведующий, по одиночке так же выразили ему сочувствие.

— Бывает, — потрепал по плечу Сетова, Ермолаев.

— Нервы не выдержали, — соболезнующе заметил старший Зайцев. — В нашей педагогической работе нужно иметь крепкие нервы.

В коридоре, когда Дмитрий шел на уроки, его нагнала Луиза Карловна.

— Спасибо, — горячо шептала она. — Заведующий совсем переменялся ко мне после вашей речи. И собрание, представьте, прошло очень хорошо. Об отметках больше не говорили. Нет, надо почаще встряхивать зава.

Придя на урок, Дмитрий почувствовал, что он словно окреп после вчерашнего собрания. Усталость не так докучала, как вчера. Да, да, пожалуй, нужно обо всем неладном говорить, нужно бить, ошибаться и исправлять. Так легче.

В перемену он зашел в класс к Оленеву. Он си-

дел перед раскрытой книгой и, не читая, наклонился к столу.

— Устали? — спросил Дмитрий.

— Очень. Выговорился я. Это неприятное чувство. Надо вѣновь набраться свежих слов, мыслей. Ученики публика требовательная. Нужно каждый день входить в класс со свежей мыслью, нужно говорить свежим, новым языком. Это пробуждает к деятельности. А я выговорился. Но скоро каникулы, отдохнем.

3

Из школы домой итти надо было по грязи, через озимое поле. Снег уже стоял. Черные плешины лугов покрывались редкой, чуть-заметной зябкой травкой. Высокие берега реки были полны мутной холодной водой. Кое-где, вниз по течению тянулись хрупкие льдинки.

Серафима, увидав измученного Дмитрия, вздернула носом и насмешливо спросила:

— Весна действует? Вид-то больно геройский!

— Устал я Серафима, — просяще ответил Дмитрий.

— Возьми ребенка, пока я обед собираю, — сунула она на руки Дмитрия девочку.

И, взясь на кухне, ворчала:

— Работы физической боишься, иди-ка после обеда дров накопи и пройдет все. Все ведь мыста, головой работаем. Другие и больше работают, да не хнычут. Работы не боятся, так и не устают.

Девочка лежала на руках Дмитрия. Серафима не замечала, как дрожали колени Дмитрия.

Весенние каникулы совпали с первыми тремя днями Пасхи. За несколько дней до праздника Серафима начала хлопотать о различной снеди, о куличах. Дмитрий оставался дома с ребенком; Серафима днями бегала в кооператив, простаивая там многочасовые очереди, приходила домой усталая и злая.

— Ничего нет. Нет ванили, миндаля, сахарной пудры. Я не знаю, что делать? . . .

— Напеки пирогов и все сборы, — говорил Дмитрий.

— У всех людей будет как следует, а у нас все шиворот на выворот?

— Нет, не у всех пекут куличи, — возражал Дмитрий.

— Не у всех? Жены райкомовцев берут все к куличам. Жены рабочих, инженеров — все берут. А окороки в кооперативе кто разобрал? А? Уж лучше бы молчал.

— Жены только портят работников.

— Значит и я только порчу неоценимого работника? — язвительно сказала Серафима и вышла на кухню к хозяйке поговорить о приготовлениях. В конце концов решили послать мужей в город за всякой всячиной.

Утром Дмитрий вместе с хозяином шли к станции. Дорога была грязная, размытая разлившейся в низинах водой. Стоял туман, моросило. Воздух был сырой. Василий Ефимович всю дорогу рассказывал приятным говорком о своей военной службе, о германской войне, участником которой он был. Под этот говорок медленно таяли угнетавшие Дмитрия мысли. Подъезжая к городу, вглядываясь в знакомые места и вспоминая давно прошедшее время, Дмитрий снова ощутил в себе уверенность и жажду жизни. Вот свалка перед литейным заводом, где когда-то он дрался с гимназистами. Вот на окраине домик рабочего Голикова. Скоро он увидит свою тетку, все еще крепкую, старую Катерину. Она так бодрa, несмотря на свои пятьдесят пять лет. А он? В двадцать семь?

— Ай, и худ же ты, — всплеснула руками тетка Катерина, когда он зашел к ней на службу — Катерина служила рассыльной и уборщицей в УИКе.

— Что говорила я? — продолжала она, — посту-

пал бы на железную дорогу. Был бы сейчас машинистом, не такой сухой, да сутулый. Пока не поздно, поступай-ка на фабрику, да разведись с Серафимой. Вашему брату из мужиков но подходят интеллигентные-то.

— Не то, тетка! — вскричал Дмитрий. — Все это не то. Не Серафима виновата. Нет. Мужик во мне виноват. Мужик — я.

— Ты-то? Где-то видано? Учился, учился, да и мужик, — не поняла Катерина.

— И все же мужик. Интеллигент-мужик. Понимаешь, я — интеллигент, то есть такой человек, который прежде чем сделать, двадцать раз станет решать надо это дело делать или не надо, на месте сидеть или бежать, быть или не быть? Не поймешь ты.

— Все поняла. Переучился. Не так учился как надо. Вот и все. У соседки моей, работницы с Литейного, сын кончил на инженера: такой же красавец остался — румяный, хороший. Он тебе каждый день и на собраниях, он и на завод раньше всех придет. Потому из рабочих. Начальству пример показывает. . . .

— В нем закваски нет этой, что во мне. Интеллигента в нем нет.

В УИКе было жарко натоплено, после нескольких часов езды клонило ко сну.

— Да никак ты спишь? — вскрикнула Катерина, увидав как Дмитрий, медленно покачнувшись на стуле, опустил голову на стол.

— Иди ко мне на квартиру, выпишь, — сказала Катерина. — Неудобно здесь. Сюда часто заходят служащие.

Дмитрий, потягиваясь, поднялся с табурета.

4

Купив все, о чем просила Серафима, Дмитрий в условленном месте встретил хозяина — Василия

Ефимовича. С ним он зашел в «Дом крестьянина». Перед чаем Василий Ефимович, проворно раскупорив под столом полбутылки водки, налил ее в оба стакана.

— Не хочу — отстранился Дмитрий.

— Налито, — общнически и подбадривающе сказал Василий Ефимович.

— Да не хочу.

— Ну, ну, заметят, выведут. Пей скорее.

И Дмитрий быстро выпил, глотая с отвращением холодную, пахнущую извешткой жидкость.

— Со свиданием, — шепотком, улыбаясь произнес Василий Ефимович и старательно выпил до капли.

— Вот и веселее, — сказал он закусывая. — Хорошо без домашних-то. Бабы не прекословят. Захотелось — выпил.

На лице его разлилось блаженство. К тому же в корзине оказалась еще запасная бутылка.

— Выпьешь, так и закусишь. А то и не поешь, как следует, — говорил Василий Ефимович опять ловко и бесшумно раскупоривая под столом.

Дмитрий быстро пьянел. Он жадно пил чай, ел ситник, колбасу. Вдруг кто-то хлопнул его по плечу.

— А, Шавкарев, — здравствуй. Присаживайся! — обрадовался Дмитрий. — Это мой знакомый, — указал он Василию Ефимовичу на подсевшего.

— Что подельываешь? — развязно спросил Дмитрий. Он был уже пьян.

— Гражданин, пожалуйста потише, — обратилась к нему служащая «Дома Крестьянина», проходя мимо их столика.

— Не желаешь ли в пивнушку? — предложил Шавкарев. — Там посидели бы, поговорили?

— Верно! — согласился Дмитрий. — Василий Ефимович, идемте?

— Нет, Дмитрий Васильевич; надо и честь знать. Выпили и довольно, — степенно закладывая

в рот тонкий ломтик колбасы, ответил Василий Ефимович.

— А я пойду, — решительно встал Дмитрий.

— Как угодно, — не останавливал его хозяин.

Дмитрий плохо помнил подробности того вечера. Шавкарев свел его на станцию, купил билет и уложил на скамью в вагон дачного поезда.

Дмитрий очнулся уже ночью. Его разбудил кондуктор. Он спал и проехал куда-то далеко.

— Слезайте, — неукоснительно строго приказал кондуктор и стал тащить его за ногу.

— Не тащите! — резко сказал Дмитрий.

Пассажиры, обрадованные неожиданным развлечением в пути, следили за диалогом Дмитрия и кондуктора. Поезд замедлил ход и остановился. Кондуктор сдал Дмитрия проводнику, тот свел его к начальнику станции. Дмитрий покорно стоял, отвечая на вопросы при составлении акта. Дмитрий порылся в кармане и не нашел денег.

— Милиция получит, — деловито заметил начальник станции, подавая Дмитрию бумагу для подписи.

Дмитрия волновало не то, что он проехал лишних тридцать верст, и что у него не оказалось денег. Ему было непонятно отношение окружающих. Казалось, все были необыкновенно обрадованы тем, что Дмитрий проспал станцию. Кондуктор, начальник станции, торжественно писавший акт, обитатели конторы и телеграфа по мере сил подшучивали над Дмитрием:

— Здесь гражданин курить не полагается. Видите объявление? — злорадно крикнул стрелочник, хотя все присутствовавшие в комнате курили.

Дмитрий, недоумевая, пожал плечами.

— Грубократы вы... У нас в учреждениях бюрократизм. А в наших отношениях — грубократизм. Вы стрелочник — грубократ. Да и все вы бюрократы и грубократы.

— Но! — угрожающе надвинулся на Дмитрия

стрелочник. Дмитрий махнул рукой и вышел из комнаты.

— Чудак! — Он позади услышал новый взрыв хохота.

Дмитрий прошел несколько раз по перрону и остановился. Спать не хотелось. Итти пешком домой? Дмитрий вскинул чемодан и пошел на свет фонаря дальней стрелки. За поворотом путь вытянулся по прямой линии. Мерцали далекие огоньки разъезда. Дмитрия увлекала эта ходьба сквозь мрак весенней сырой ночи. По сторонам над лесом вился густой пар.

Уж было около полудня, когда Дмитрий истомленный, забрызганный грязью, но бодрый, постучал в двери дома.

5

В мае закурчавились озимые плотным, цветистым бархатом; шел к концу сев ярового. На другой стороне реки, около фабрики, выгружали кирпич из барж, привезенных первыми пароходами. Из затона вылавливали сплавленный лес. Пять лесотасок непрерывно трещали моторами и цепями, поднимая бурые бревна на берег реки. Штабели дров, кипича, бревен загораживали строения. Шум и грохот набережной смолкал только поздно вечером.

Дмитрий вставал рано, спускался к реке умываться. Его опьянял воздух, пронизанный теплом и светом. Серафима готовила завтрак. Отношения между ними наладились. С ребенком пришло столько неожиданных новых хлопот, что некогда было подумать о чем-либо другом. Приходя из школы, Дмитрий носил с реки воду, кипятил раза два самовар и приносил ванночку. Серафима купала ребенка.

Как-то утром Дмитрий на перевозе повстречал ученика шестой группы Женю Стрелкова. Это был

Маленький живой мальчик с быстрыми, резвыми глазами. Красный галстук пионера задорно топсршился на вороте белой ситцевой рубашки.

— Здравствуйте Дмитрий Васильевич!

— Здравствуйте. Вместе?

— Ага! Я вас перевезу.

— Нет, Женя, тяжело.

— Какое! — Женя торопливо перебежал к сидению и бойко замахал веслами.

Шли они, болтая о хороших, ярких днях, о солнце, зелени и о лагере, в который собирался летом Стрелков. Потом разговорились о книгах.

Женя вынул из сумочки журнал «Всемирный следопыт» в цветистой обложке.

— Читали Дмитрий Васильевич?

— Нет.

— Интересно, — отозвался Женя.

— Прочитаю, — пообещал Дмитрий. — А это что за животное? — спросил он, указывая на какое-то невероятное разинувшее пасть чудовище и на человека с ружьем в руках, отступившего перед животным.

— Да это же фантастика! — удивленно вскинул глаза на Дмитрия Женя, обидясь за учителя, непонимавшего столь простых вещей.

— А, вот как! — сообразил Дмитрий.

— Я люблю читать. В книгах так много интересного, научного и приключенческого. А вы любите? — спросил Женя.

— Люблю.

— Вы больше какие?

— Я? — застигнутый врасплох переспросил Дмитрий и старался быстро найти ответ, не сознавая же в том, что после болезни надорванный, он всю зиму читал только беллетристику. — Я люблю читать романы, — Дмитрий решил быть правдивым с ребенком.

— Романы? — протянул Женя. — Значит вы больше про скучное? — перевел на свой язык

мальчик. Я брал как-то один длинный роман — худо! Тянут, тянут... так и недочитал.

— А вы сами не пишете? — спросил вдруг Женя. — Дмитрий Васильевич, напишите мне стихотворение?

— Ладно, — согласился Дмитрий.

В этот день он занимался с особенным подъемом, справляясь с материалом точно механик, знающий до тонкости сложный и точный механизм.

Вечером, когда успокоился ребенок и уснула Серафима, он набросал три четверостишия и проиллюстрировал стихотворение, нарисовав пером солнце, деревья, птиц и шумных, быстробегающих ребятшек.

6

Удержать ребят в классе стало трудно. Учителя старались давать во время урока материал по интересней и преподносить его в более увлекательной форме. Провели ряд экскурсий. Но и они плохо удавались. Заходя в учительскую, педагоги раздраженно говорили о необходимости строгих мер: в каждом классе находилось по несколько человек, срывающих работу всей группы. Называли имена, требовали исключения. И только у одного Хрисанфа Игнатьевича школьники вели себя прекрасно. Он с усмешкой выслушивал жалобы учителей.

— Что же делать, если сами учащие дезорганизуют ребят, раздавая им стишки, проповедующие наплевательское отношение к наукам, — ядовито заметил Парыгин, — помахивая листком бумаги.

В руках Парыгина было стихотворение Дмитрия, — посвященное Жене Стрелкову.

— Итак мое стихотворение является причиной падения дисциплины? — оборвал Парыгина Дмитрий:

Его руки дрожали, во взгляде прорывалось бешенство.

В перемену Оленев успокоительно похлопал Дмитрия по плечу:

— Не волнуйтесь Дмитрий Васильевич.

— Чорт знает, что такое, — ответил Дмитрий, — если везде и всюду Парыгин будет сплетничать про меня, то что скажет Губоно? Придется уходить отсюда.

— Зачем уходить — надо бороться — наставительно заметил Оленев.

Дмитрий иронически улыбнулся. Он уже знал, что за великолепной поручичьей выправкой и неустанной болтовней о борьбе — ровно ничего не было. Оленев, расчетливый, трудолюбивый и скрытный, не шел дальше слов и призывов.

7

В середине июня занятия закончились. Готовились к отчетной выставке. Стены аудиторий были сплошь завешаны диаграммами, чертежами, таблицами. Каждый преподаватель старался выставить как можно больше, воздействуя на посещаемость количеством материала. Дмитрий показал немного: самодельные приборы проекций; стереометрические фигуры, сделанные ребятами графики, два или три плана, составленные на экскурсии и тощенькие общие тетради.

— Придут общественные организации, посмотрят, ничего не поймут и останутся при хорошем мнении о школе. Учатся, мол, дети, ну и хорошо. Мы родители, ничего не понимаем.

Хрисанф Игнатьевич торжественно расхаживал по школе. В день выставки он с улыбочкой захватил секретаря райкома партии и вызвался ему в проводники. Дмитрий видел, когда они проходили мимо его материалов. Хрисанф Игнатьевич пренебрежительно махнул рукой и повел секретаря,

взявшего было в руки одну из моделей, сделанную учениками, в комнату естествоведения, изукрашенную цветной бумагой, цветами и нескончаемыми таблицами.

В коридоре Дмитрий встретил Леню Рыжкова.

— Выставка выставкой, — горячо начал он. — Все это чудесно. Но отчего из шестидесяти окончивших нынче учеников только трое хотят на производство, а остальные, если не поступят в техникумы и вузы, во что бы то ни стало стремятся получить «чистое место» на фабрике, в горсовете, страхкассе, суде и т. д. Они за пять лет во второй ступени утратили всякое желание трудиться. Из пролетарских детей они сделались размагничеными слюнтяями.

— Я об этом говорил на одном из школьных советов, — сказал Дмитрий.

— Это дело оставить так нельзя, — крикнул он на прощание.

ГЛАВА IX

1

С летом пришли отпуска, начались покупки, приготовления к отъезду. Братья Зайцевы снимали дачу на берегу озера. Парыгин вместе со своей женой отправлялся путешествовать по Волге. Грузная бездетная женщина, незаметно жившая зиму в школе, появлялась на улице только весной, когда из своей квартиры она выносила на солнце несчетные горшки с цветами. Татьянин ехал на Кавказ, — с ним по секрету, — об этом знали все учителя, ехала и Луиза Карловна.

Роза Исаевна вместе со своим мужем, технологом фабрики, степенно собиралась месяца на два в Крым, конечно, в самый лучший санаторий и в самое лучшее место. Ермолаев вскинул на плечо

ружье, взял собаку и на лодочке двинул вниз по реке верст за сорок, недельки на две в охотничий шалаш.

Дмитрий, получив деньги за два отпускных месяца, был вынужден сдать их Серафиме, уже давно составившей длинный список необходимейших вещей, которые надо было, по ее мнению, во что бы то ни стало купить.

Таким образом о поездке Дмитрия не могло быть и речи. Деньги были издержаны почти все. Серафима с неделю любовалась новыми вещами, но так как всего, что она хотела приобрести не представлялось возможным, — то скоро к ней вернулись обычные недовольство и воркотня.

Дни тянулись тоскливо.

Иногда на рассвете Дмитрий брал удочки, хлеба и шел на реку, клубившуюся паром, пронизанным ранним солнцем. Деревня еще спала.

На противоположном берегу на запани сидели два рыболова. Дровотаска еще не работала. Из фабричных труб медленно вился дым.

Дмитрий выбрал на плотках удобное место и, насадив горошинами хлеба крючки, закидывал лесы.

Как-то на берегу он встретил идущего с фабрики Ермолаева. Тот окликнул его.

— Клев на уду! — Лещика бы фунта на три. И к нему пивка парочку. Малина!

— Куда? — крикнул Дмитрий.

— В город!

Ермолаев помахал кепкой.

— Хотелось бы проститься с нашим заводом. Попил кровушки — хватит.

— Переводиться думаете?

— По секрету, да, — и пошел по берегу круглыми шагами, точно ехал на велосипеде.

Солнце поднималось выше, на плотках припекало. Берега оживали, разбуженные шумом работы, криками людей. Мерно стучала лесотаска. На перевозочных лодках, полных народа, торопливо

взмахивали веслами гребцы, у фабричного берега, толкаясь, громко спорили из-за мест в лодках. Дмитрий взял свою добычу, — небольшую нежную сорогу, подъяска и мелкого лещика, смотал удочки и собирался домой. Он знал, что жена будет смеяться над его уловом. Засохшие рыбки висели на веревочке сморщенными жалкими трупиками.

На плот шумливо прибежали ребяташки.

— Дмитрий Васильевич! — здоровались дружно, по школьному ребята. Быстро раздевшись, крича и толкаясь, они бесстрашно бросались в реку. Брызги воды забрасывали плот. Всех других смелее был Панко Грачев. Он с разбега нырял в воду, выплывая саженях в двадцати.

Дмитрий решил выкупаться. Он хотел так же быстро, как и ребята, раздеться, но оступись меж бревен и ущемил ногу. А раздевшись совсем и, стоя на краю плота, он почувствовал вдруг неудержимый страх перед водой. Он долго стоял на плоту, пока Панко, подплыв к нему, со смехом не окатил его холодной водой. Дмитрий бултыхнулся в воду. И уже в воде, с невыразимой болью, припомнил свое детство в деревне, когда он так же, как и ребята, бесстрашно нырял в омут. С нервным усилием Дмитрий вылез на плот и, уже сидя на бревне, плескался, обмывая водой грудь и голову.

2

Серафима еще лежала в постели. На окнах висели одеяла. Тонкие иглы света пронизывали пляшущую пыль. Дмитрий положил рыбу на стол. Серафима с нескрываемой усмешкой оглядела улов Дмитрия.

В кухне хозяйка Александра Ивановна уже доставала из печки, вкусно-пахнувшие поджаренным маслом, свежие налеушки. Чуть тронутая за-

гаром сметанная налива на пирогах казалась вкусной до боли.

Александра Ивановна быстро отрезала полналеушки и гостеприимно предложила:

— Наши деревенские. За вкус не бьюсь.

Дмитрий конфузливо взял. Разломил кусок и половину отнес Серафиме. Осторожно отодвинув от себя ребенка, она села на постели и стала с аппетитом есть.

— Вкусно, — согласилась Серафима.

Дмитрий заметил:

— Испекла бы ты когда-нибудь.

— Не умею, — ответила Серафима.

Дмитрий быстро, умело-заученно налил самовар, наложил углей и зажег лучину, — никто кроме него не исполнял эти будничные обязанности. Потом взял ведра и пошел по воду.

Серафима попрежнему лежала в постели, кормила грудью проснувшегося ребенка. Дмитрий стащил с окон одеяла. Свет брызнул и заиграл по комнате. Ребенок зажмурился и перестал сосать грудь. Одевшись, Серафима лениво вышла из комнаты. Дмитрий услышал, как на кухне она спросила безразлично хозяйку:

— Уже истопили?

Хозяйка, как всегда немного посмеиваясь, не упустила случая похвалить Дмитрия.

— Ну и муж у тебя Серафима. У меня Василий не только пол мести — к люльке не подходил.

В деревне, где мужчина и женщина твердо знают круг своих дел, эти слова звучали насмешкой. Но Серафима не поняла этого.

Поставив в печь гречневую крупу, она завела нескончаемый разговор с хозяйкой о соседях, о злодеях из кооператива, вывесивших объявление о том, чтобы немедленно все пайщики вносили полный пай, о непорядках. Все эти разговоры были так знакомы Дмитрию.

Самовар потух. Наконец, Серафима вернулась

из кухни. Измятая, желтая после бессонной ночи, она достала из-за зеркала пачку папирос и закурила.

Увидев на столе улов Дмитрия, Серафима насмешливо спросила:

— А с рыбой что прикажете сделать, — поджарить? — И презрительно потрясла сорогу за хвост.

3

Дмитрий в свободные часы лежал на плотях. Серафима упрекала его:

— Ты совершенно не возишься с Галей. Еще учитель, а заставляешь жену вечно сидеть с ребенком. Что я тебе домашняя хозяйка?

Он за лето загорел, поправился. С усмешкой поглядев на жену, он ответил:

— А ты отдай ребенка в ясли.

Это было неожиданностью для Серафимы.

— Ты с ума сошел. Чтобы я?... — Серафиму оборвал Дмитрий.

— Что же по твоему родилось дитячко, так и бросай всю работу, сиди около него до восемнадцати лет.

Они долго препирались. Серафима с ожесточением взяла на руки ребенка и ушла из дома. Дмитрий с грустью посмотрел ей вслед. Потом, пробравшись на плоты, он пролежал на солнцепеке весь день.

В конце концов он настоял на своем. Серафима по утрам носила ребенка в ясли. Дмитрий выписал педагогическую энциклопедию, книги по методике и начал понемногу одолевать школьную мудрость, с которой он так поверхностно ознакомился в институте

Июль, август прошли в учебе, прогулках, купании. Дома было тихо. Он спокойно мог заниматься. Вечерами Дмитрий брал ребенка к себе.

— Дай Галю! — негодовала Серафима. Ты даже

над своим ребенком насмеяешься. Серафима не могла простить Дмитрию ясли.

Однажды на плотях Дмитрия разыскал Бирюков. Он выглядел свежим, задорным. Они долго говорили о предстоящем учебном годе и делах школы. Бирюков первый предложил поговорить в Губоно о Парыгине.

— Школа, — твердил он, словно чигая по школьному, — должна выковывать будущих строителей социализма. Весь секрет в том, какие люди нужны нашему строительству.

— А ты знаешь? — усмехнулся Дмитрий.

— Знаю, — отчеканил тот.

Дмитрий с интересом смотрел на Бирюкова. Куда девались неуклюжесть, недоверчивый взгляд изподлобья?

— Ты много читал летом? — спросил он.

— Много, — простовато ответил тот.

Раздеваясь, Бирюков говорил без устали — ему хотелось поделиться радостью, что он наконец почувствовал себя настоящим педагогом. Подставляя солнцу свою широкую спину, укладываясь поудобнее на бревнах, он грозил невидимому врагу.

— На очереди ожесточенные бои. Пусть попробует теперь доказать мне, что я идеологически невыдержан. Пусть попробует...

4

В школе уже заседала приемная комиссия по укомплектованию двух первых групп. Ермолаева Губоно назначил заведующим семилеткой. Он с победоносным видом расхаживал по аудиториям школы и, теперь уже не скрывая, пренебрежительно относился к Парыгину. Уязвленный Хрисанф Игнатьевич платил ему той же монетой. Дмитрий смотрел на них и думал о том, что обоим им не место в стенах школы. Откуда-то появился Оленев. Никто не знал, где он проводил лето. Он выглядел еще

спокойнее, еще самоувереннее. Луиза Карловна щебетала всем и каждому о Кавказе:

— Знаете. . . горы, горы, горы. . . ущелья. . . Мы ехали по Военно-Грузинской дороге, где когда-то проезжал Лермонтов. Я видела замок Тамары. Знаете, это на ужасной скале. . . Ах, как прекрасна Арагва! Евгений Иванович вы помните? — И смутившись, что выдала их тайну, неудачно поправилась. — Он в прошлом году был.

Евгений Иванович принял невозмутимый вид и промолчал. Раиса Павловна подметила неловкость, быстро шепнула что-то Розе Исаевне, та собрала бантиком губы, и маленькие глазки ее игриво заискрились.

— Вот, что, товарищи, — строго объявил Хрисанф Игнатьевич. — Сегодня в семь часов собрание, — распределение уроков и подготовка к учебному году. Занятия ровно через две недели.

Бирюков толкнул плечом Дмитрия и наклонившись шепнул:

— По прежнему разыгрывает незаменимого.

Бирюков твердо решил осветить в райкоме положение дел в школе, доказать необходимость решительных мер. Дмитрию было поручено выступить перед фабкомом и профсоюзом с докладом о школе, добиваясь скорейшего самоочищения.

Г Л А В А X

1

Развязка наступила раньше, чем думал Дмитрий. Как-то утром, переехав через реку, Дмитрий пошел в фабком к Ивану Григорьевичу.

Тот ругался по телефону с администрацией из-за недоданных рабочим двадцати штук рукавиц. Повесив трубку, Иван Григорьевич поздоровался с Сетовым.

— Скоро пускаете говорильню?

— Какую? — опешил Дмитрий.

— Да школу... У меня парень перешел в восьмую группу, он стихи пишет... Говорит купи, папка, ботинки с узкими носками.

— Хорошо! — подтвердил Дмитрий. — Ну, а ты бы Иван Григорьевич его на производство взял. А? — лукаво заметил Дмитрий.

— Поди ты — рассмеялся Иван Григорьевич. — В чернорабочие — молод, а к машине разве можно допустить. Что мы вредители? А про скандал знаешь? Провалились на экзаменах в вузы наши. Пришли как побитые, просят работы почище. Я им сказал, учились бы лучше, ну и были бы студентами. Теперь идите к своим тяткам, и пусть они вас ремнем по спине погладят.

— Кому отказал-то?

— Рыжакову-сынку, Ленке, Перфильеву, Зубареву, девчонкам. Человек пятнадцать приходило. Дмитрий насел на Ивана Григорьевича.

— Ты во всем виноват. Ты... — В школе порядок и чистота, ну и отлично. А не замечают, что школа выпускает чистеньких ублюдков, потерявших аппетит к работе; да и не умеющих работать. Дети мечтают об узконосых ботиночках. Твой же сын. Папаша восхищается тем, что сынок пишет скверные стихи, ежедневно ходит в кино, болтает чушь об искусстве и рисует масляными красками дрянненькие пейзажики. Ты же сам говоришь, что такого не пропустил бы на производство. А как ты думаешь, в вузах дураки сидят, пропустят такого. пожмут руку и начнут из него инженера делать. Разве такие инженеры стране требуются? — говорил горячо Дмитрий, наседая через стол на своего приятеля.

— А кого ты дня три-четыре тому назад прогнал отсюда. Детей своих товарищей? Думаешь спасибо скажут?

— Вы виноваты! Зачем плохо учили, — грохо-

гал Иван Григорьевич. — Я вас учителей под суд отдам.

— Отдавай, не боимся! — кричал Дмитрий. Вы виноваты.

— Вы лодыря корчили, а мы виноваты?

— Лодыря? — Ах ты чорт. Ты знал, что я с ума сходил, а ни разу не поднял вопроса, в чем дело?

Они стояли друг перед другом, сжимая кулаки. Лицо почтенного Ивана Григорьевича стало багровым. Он был смешон в своем гневе.

Дмитрий откинулся от стола, бухнулся в кожаное кресло и захохотал. Потом вынул папиросу, закурил и предложил Ивану Григорьевичу.

— Пошел ты к чорту! Ты мне зубы не заговаривай. Думаешь я забуду всю вашу школу отдать под суд? Нет уж не забуду.

— А теперь поговорим по приятельски — предложил Дмитрий. — Успокойся, Иван Григорьевич. Школа делает не то, что нужно стране. Нужны надежные кадры строителей, нужны светлые головы и мозолистые, умелые руки. А у нас что? Старая гимназия, но без древних языков. Парыгин и его спутники сумели втереть всем вам очки. Черное сделали белым, и белое черным. По всем брат правилам науки и техники. Не подкопаться.

— Что же прикажешь делать? — вздохнул Иван Григорьевич.

— Прежде всего вскрыть то положение, которое создалось, по цехам. Обсудить вопрос что ли. А потом вынести на общее родительское собрание. Конечно, придется договариваться с Губоно.

По выходе из фабкома Дмитрий столкнулся с группой ребят, возбужденно толпившихся у дверей. Это были ученики, выпущенные нынешней весной. Увидав учителя, они посторонились.

— Дмитрий Васильевич, вас то и надо! — Леня Рыжаков горячо приступил к Дмитрию.

— Мы вас третий день ищем. На квартире сказа-

ли, что в деревню ушли. Сегодня забегад к вам. говорят в школе. Ну, думаю, незадача! Встретил ребят — вот их — прут сюда ругаться, не берут на работу.

— Дмитрий Васильевич, — прервал Рыжакова Перфильев, — понимаете, такая незадача: не поступили в вуз, теперь нигде работы не найдешь, то не член союза, то квалификации нет. . .

— Да не в этом дело, — приступил Зубарев, — главное затирают, что отцы зарабатывают. Нечего вам делу учиться, говорят.

— А в школе ты что делал? Не учился? — спросил Рыжаков.

— В школе своя учеба, — буркнул Зубарев.

Другие загалдели. Зоя Подъельных, выставя перед носом Дмитрия розовый пальчик, затараторила свое.

— Представьте я пришла в горсовет проситься на должность делопроизводителя, а мне секретарь говорит у нас своих как собак нерезаных. Какая грубость!

— Перестаньте, — окрикнул Рыжаков.

— Да, говори один, — сказал Дмитрий.

— У меня факты! — твердо, как заученное, глубоко пережитое, незабываемое изложил Леня: — Из шестидесяти окончивших только двое поступило в вуз, трое в техникумы, остальные никуда. В надежде на вуз прозевали наборы в техникумы. Из Москвы и из Ленинграда, как пробки из бутылок лимонада выскакивали. И ребята еще не могут понять — школа выбросила их на улицу.

— Что же вы предпринимаете сейчас? — спросил Дмитрий.

— Инициативная группа собирает собрание окончивших учеников и их родителей. Уже вывешено объявление, все извещены.

— Вот так встречный план, — заметил Дмитрий. А мы только что с Иваном Григорьевичем условились об этом.

— А ведь я вам, Дмитрий Васильевич говорил, что, начинаю понимать неполадки в школе.

— Помню.

— Я тоже нынче скатал зря в Политехнический институт. На полсотни рублей наказал отца.

— Ничего. Деньги дело наживное. . .

— Не в этом дело. Главное надо думать и о тех ребятах, которые сейчас учатся. На тот год в таком же положении окажутся, — ответил Ленья.

2

Рыжаков заканчивал доклад. Народу набралось много. Участь пятидесяти учащихся, никуда не пристроившихся нынче после окончания школы заставила наконец насторожиться родителей. Вспоминались прошлые выпуски: с ними оказалось не лучше. Ребята работали кое-где, многие за год-два забыли, что они когда-то кончали школу второй ступени. Восемнадцатилетние подростки, работая чернорабочими, с негодованием вспоминали о потерянном в школе времени, тогда как ребята из ФЗУ уже стали у станков. Иван Григорьевич — председатель собрания, еле сдерживал возмущенных родителей. Притихшие учителя смиренно сидели в первом ряду: братья Зайцевы, Евгений Иванович, Роза Исаевна, Раиса Павловна; в стороне сидел Оленев, Дмитрий и Бирюков. Хрисанф Игнатьевич ни одним мускулом не дрогнул, когда Ленья отчеканил напоследок:

— Итак мы стоим перед фактом — школа не подготовляла ни в вузы, ни работников на производство, ни работников для сельского хозяйства. Что же еще надо? Должна ли школа оставаться такой на фабрике?

— Правильно, — раздались шумные аплодисменты.

— Тише! — прозвенел предфабком. — Все будут говорить. Вечер длинен.

— Слово представляется заведующему школой Хрисанфу Игнатьевичу Парыгину.

Хрисанф Игнатьевич встал. Хрисанф Игнатьевич медленно подвинулся к столу и строго взглянул на учащихся и родителей. Хрисанф Игнатьевич начал говорить. Он выглядел человеком, который чувствует свой вес, солидным, проницательным, умным. Хрисанф Игнатьевич не впервые давал бой. Он опытный водитель молодого поколения: он пятнадцать лет заведует школой, пять лет при хозяйине фабрике. Он тысячу юношей выпустил из школы. Чего еще надо? — За Хрисанфом Игнатьевичем авторитет человека твердого, честного. В школе есть непорядки (Хрисанф Игнатьевич не отказывается от них, и сам еще раскрыл ряд недочетов). Но эти непорядки устранимы, если общественные организации, в помощи которых он не сомневался, помогут школе.

— Школу обвиняют в том, что она выпускает недостаточно подготовленных людей. Это неверно. Вот перед нами пример: Леня Рыжаков — сегодняшней докладчик. Разве это недостаточно развитой мальчик? Да я горжусь тем, что из нашей школы выходят такие, с широким будущим, значительные люди. Ведь он сделал замечательный доклад. Так увлечь слушателей. Ошибка его заключалась в том, что он по неосведомленности своей упустил общую структуру народного образования.

Рыжаков хотел перебить Парыгина, но остановился. Напряжение усиливалось. Хрисанф Игнатьевич начал говорить о системе работы. Он гордо выпячивал грудь, раскрывал широко руки, входил в азарт. Хрисанф Игнатьевич походил на римского консула, выступавшего перед толпой. Толпа внимала. Хрисанф Игнатьевич стоял недосыгаемый, самый умный среди собравшихся.

— Школа честно выполняла программу Наркомпроса, школа до сих пор была на лучшем счету в

Губоно и она, я уверен, останется такой. Настоящее событие, взволновавшее население, лишь отголосок вполне понятного нервного потрясения, потерпевших первую жизненную неудачу юношей, не поступивших в вуз или не принятых на производство. Я уверен, что, при достаточной настойчивости, все эти юноши устроятся и будут вспоминать школу добром, — она дала им знание, поставила их на дорогу.

Раздались отдельные аплодисменты. Многие были убеждены столь веской и внушительной речью. К тому же за окном темнело, под успокаивающей надежный бас Хрисанфа Игнатьевича клонило ко сну. Человек пять поднялось с мест. Ворчали:

— Заварили кашу из-за пустяков. Пусть сами теперь разделяются — шут их подери.

Иван Григорьевич обрушился на желавших покинуть зал.

— Мы решаем судьбу наших детей! Правильно я говорю?

— Правильно! — заорали затихшие было ребята.

— Слово в порядке очереди имеет товарищ Зубарев.

— Товарищи, — встал Зубарев — я как один из родителей, выпущенных нынешней весной из школы учеников, должен сказать, что действительно ребята учились плохо. Мой Санко, как придет из школы, навертывает коньки и айда кататься на весь вечер. Когда спросишь — заданы ли уроки, — не заданы. А вышло на проверку провалился на экзамене и по физике и по обществоведению. Надо сказать прямо, товарищи, чтобы учителя крепче взялись за ребят. А потому просить Хрисанфа Игнатьевича.

Санко Зубарев поднял руку. Председатель дал ему слово. Неокрепшим баском краснеющий Зубарев деловито вышел на середину.

— Отец совершенно неправ. Дело, товарищи, не

в том, что учащийся идет после занятий на каток. Физкультура — полезное дело. После занятий отдыхаешь на катке и заряжаешься для новой работы. Я говорю отцу, что всегда буду заниматься физкультурой, потому что это дело полезное, повторяю. А докажет ли мне отец, что после работы на фабрике полезно выпить, а он говорит каждый раз об этом, когда напьется. Тоже отдыхает за водкой. Докажет?

Публика захохотала. Отец Зубарев буркнул:

— Пащенок! Приди вот домой.

— Стой, дай слово сказать.

— Я ему, шельме, скажу. Перед всем народом. Что я один пью, позволю задать вопрос?

— Не ты один, — ответил сын. — Я это к примеру о пользе физкультуры.

— Не к чему было отца выставлять! — сердился отец Зубарев.

— Обожди, дома скажешь! Верно нарень говорит.

— Я продолжаю. Учащиеся всегда будут бороться за то, чтобы их работа была распределена во времени правильно. Действительно, надо только в школе проходить программу. При хорошем преподавании это сделать можно. Но почему я провалился по физике? На уроках физики нас Ермолаев смешил больше, а не учил. Отсюда несерьезное отношение. Мы говорим — так нельзя теперь, когда поняли это, а ведь преподаватель должен это знать. Ребята подтвердят.

— Верно!

— Вот. А по обществоведению сам подкачал. За лето не следил за текущими событиями. Тут я никого не виню.

— Слово имеет работница Бутусова!

— Я, товарищи, — горячо выступила Бутусова — как мать семерых детей, работаю на фабрике, муж инвалид, не могу следить за ребятами. Один в яслях, двое на детской площадке, двое в первой ступени, одна во второй, одна девка

взрослая на фабрике. Нам с Анной едва справиться со стиркой на ребят, накормить их, а не то, что следить за программами. — Она, наступая на Парыгина, кричала: — куда теперь дочь моя денется. Тоже на экзаменах провалилась. А я знаю почему? Могу я понять малограмотная, что к чему? Не могу. Раз вам доверило рабочее правительство детей рабочих, вам и следить надо. Нам — рабочим и на фабрике дела по горло. Раз программы или учителя не подходят, надо перестраиваться, чистку наводить, а нечего благоденствовать, да усы расчесывать. Я, товарищи, требую, чтоб проведена была экстренно чистка школы под рабочим контролем, а не оставлять это дело так, не подходить к делу с прохладцей.

От печки из гущи ребят выпорхнула Зоя Подельных.

— Представьте наше положение. . . Представьте, я прихожу к секретарю райисполкома, прошусь принять делопроизводителем, а он говорит: «у нас их как собак нерезанных». . . Представьте на фабрике заводоуправление предлагает более чистую работу, на сортировку бумаги, а фабком не пропускает, говорит у нас из ФЗУ есть настоящие квалифицированные работницы. Представьте наше положение. . .

Встал Дмитрий. Хрисанф Игнатьевич пошевелился на месте. Роза Исаевна и Раиса Павловна вытянули шеи, выставив вперед круглые, маленькие головки.

— Товарищи! — начал Дмитрий. Ребята у печки встретили Дмитрия шумными аплодисментами. Он говорил о системе народного образования. — Вопрос упирается в отрыв школы от того строительства, которым охвачена страна. Но для новой школы нужны новые люди. Нужно, чтобы школа выпускала не только знающих и работоспособных людей, но и людей понимающих, за что они будут бороться. Могла ли наша школа выпустить таких

борцов. Нужно обдумать тщательно каждый шаг школы. На ней вся ответственность за воспитание ребенка, за его будущее. Прежде всего нужно очистить нам, педагогам, свои собственные ряды. По договоренности с Союзом работников просвещения и от имени инициативной группы учителей я заявляю, что мы в ближайшие дни проведем самоочищение. Это заставит каждого из нас проверить себя, подготовиться лучше для серьезной работы по воспитанию будущих строителей социалистического общества, — закончил свою речь Дмитрий.

— Вопрос о моей отставке должно быть уже решен? — важно встал и спросил Хрисанф Игнатьевич председателя собрания.

— Что вы? Вы еще у нас поработаете! — удивленный вопросом ответил Иван Григорьевич.

— Но под контролем, — добавил кто-то из присутствующих благодушно.

— Благодарю вас, — откланялся Хрисанф Игнатьевич и пошел через залу, не смотря ни на кого.

Тогда нервно дрожа, вскочил с места Татьяна.

— Граждане, это не подход к делу. Мы будем жаловаться в Губоно, доведем дело до Наркомпроса, поедem в ЦИК, но так не оставим. Это запугивание в то время, когда к специалистам должны относиться со вниманием, лелеять и беречь их. Здесь некультурный Сетов договаривается с секретарем о проведении самоочищения. А кто секретарь Рабпроса? Даже не учитель, простой выдвигенец-рабочий. И они вершат дело. В знак протеста я также, как всеми уважаемый Хрисанф Игнатьевич, удаляюсь с собрания.

Размахивая руками, торопясь, задевая за стулья, он ринулся к выходу.

— Богомаз! — звонким голосом крикнул один из учеников.

— Теперь разрешите поговорить мне — начал Иван Григорьевич, когда улеглось волнение, вызванное уходом двух учителей.

— Конечно, к реорганизации школы мы отнесемся серьезно. Напрасно так думает Евгений Иванович, что самоочищение, выплывшее в силу необходимости нелепое дело. Самоочищение даст очень многое учительству для понимания задач, перед которыми стоит школа. Вот на этих-то задачах мне и хочется остановиться. Дмитрий Васильевич хорошо рассказал... Наши дети должны обладать знаниями. Но знание, товарищи, знанию рознь. Поп тоже учился, поп тоже многое знает. Нужны ли нам знания попа?

Иван Григорьевич развел в недоумении руками.

— Нет, — крикнули из зала — Дальше? — Иван Григорьевич продолжал:

— Возьмем дворянство, буржуазию. Иной из них считался необыкновенно знающим человеком, лишь потому, что знал к какому мясу какая подливка требуется и к какому вину какая закуска нужна. Нужны нам такие знания?

— Весело говоришь!

— Можем обойтись и без вышеприведенных знаний. Спросим при случае Зубарева, что полагается к водке и конец делу.

— Опять Зубарев! Нечего на собрание звать, ежели срамить задумали.

— Не обращай внимания! Валяй Ваня дальше.

— А следовательно нам надо твердо знать, чему наш ребенок должен научиться в школе, чтобы быть надежным общественником и борцом, подкованным в научном отношении безукоризненно... А для этого нужно что? Нужно чтоб фабрика стала школой, а школа слилась с фабрикой.

3

Горячка реорганизации школы кончилась. Странно было видеть сразу опустившегося, постаревшего Нарыгина. Последние слова его были: «не поминайте лихом». Но было видно, что и сам

Хрисанф Игнатьевич не верил этому... Старая школа распадалась. Не слышно было хихикания Евгения Ивановича. На его место приехал молодой парень из художественного техникума. Не слышно было и смешка Ермолаева. По слухам, назначенный Губоно заведующим семилеткой где-то в глуши, он напустил на себя слишком барский вид и был кандидатом на вылет. Ушла из школы и Роза Исаевна. Она не могла мириться с тем, что ею — командует, по ее выражению, «какой-то без образования рабочий». Раиса Павловна осталась. Ее уроки рукоделия сняли с программы, оставив только кружок для желающих, но оставили секретарем, ценя ее усидчивость и пунктуальность в работе. Приехал новый физик. Он был уже пожилой человек, настолько ласковый и тихий в обращении, что Дмитрий заметил Бирюкову:

— Больно, хитер физик.

— Хорош, — одобрительно ответил Иван Степанович. — Зато не безграмотный Ермолаев, сидевший на Краевиче.

— О, да ты брат и физику начинаешь обнюхивать, — пошутил Дмитрий.

— Точные знания не преграда коммунисту. — отважно отмахнулся Бирюков.

Преподавателя химии в Губоно не нашлось. Точно тень Хрисанфа Игнатьевича витала над учительской, мстя за себя, когда совещались новый заведующий, Дмитрий, Бирюков и Оленев как выйти из положения.

— Стой, ребята, — вдруг вскрикнул Бирюков. — Нашел учителя.

— Кого? — устремились на него.

— Да, Пал Палыч. Временно поработает.

И верно Павел Павлович оказалось лет пять или семь преподавал, когда-то химию.

— Но Пал Палыч. Хоть и грех мне партийцу божиться, но ей богу поколочу если сорвешь из-за

пьянки работу, — наказывал Бирюков Павлу Павловичу.

— С химией справлюсь и с уклоном производственным справлюсь, потому что каждый винтик на фабрике мне знаком, но за другое — не осуди

— Осужу, — твердо сказал Бирюков. — Все осудим.

— Видно до каникул придется терпеть, — сокрушенно ответил Пал Палыч.

Братья Зайцевы восторженно перебивая друг друга говорили Дмитрию.

— Мы интеллигенты хотим работать, мы отдадим школе все, что имеем, но... Какое порабощение было при Парыгине... Ужас!

— И как мы умеем терпеть и не умеем бороться, — страдальчески закончил Иннокентий Фомич.

Из квартиры Хрисанфа Игнатьевича, приглашенные инженеры с фабрики, устраивали кабинет для работы по бумажно-целлюлозному уклону.

Дмитрия насмешила Таня Беляева и Кондаков. После собрания учащихся, на котором и учителя и представители организаций и сами учащиеся разъяснили ребятам смысл реорганизации школы, Таня, не поняв многого, спросила Дмитрия.

— А за что же все-таки уволили Хрисанфа Игнатьевича.

— Вот дура! — возмутился Кондаков, за лето сделавшийся теперь большим подростком. — Хоть кол на голове теши.

— Кондаков, стыдись — остановил Дмитрий.

— Дмитрий Васильевич, да неужели не ясно? Группы «А», группы «Б» — на чистеньких и грязных разделял, от труда отвлекал, зубрить заставлял... Ну не ту классовую линию вел.

Дни пошли ровными, неторопливыми, но податливыми шагами. Неудавшийся в прошлом году методический кружок, был организован и обещал расцвести в поселковое общество по изучению и воспитанию ребенка.

Первый доклад на методическом кружке о новых задачах школы делал Оленев. Начинался первый год великой пятилетки народного хозяйства. Школа должна была перестраиваться так, чтобы из нее выходили годные для всяких работ, быстро ориентирующиеся, умелые люди.

После собрания Дмитрий вышел из школы с Павлом Павловичем. Была ясная спокойная ночь. Реку переезжали молча, наслаждаясь свежим воздухом и тишиной ночи. Крупные звезды отражались в воде. От построек тянулись четкие, прямые тени. Когда шли берегом, пробираясь между дров, Павел Павлович неожиданно сказал Дмитрию.

— В афоризмах житейской мудрости Шопенгауэр говорит:—«кто запрягает Пегаса в ярмо или подгоняет свою музу кнутом, тот столь же дорого заплатит за это, как и тот, кто через силу будет поклоняться Венере». Так и в нашей педагогической работе можно еще и еще надорваться, Дмитрий Васильевич.

— Ваш дядя Шопенгауэр, как истый буржуазный философ учил умеренности и аккуратности, он заботился о продлении личных наслаждений. Люди работали в одиночку и боялись за свои силы. Мы учим организованности и стойкости. Масса эта вам не великий муж прошлого, а величайшее сосредоточение разума и силы. Устанет один, его заменит другой, даже никто и не заметит этого. Так-то, — громко крикнул среди ночи Дмитрий.

На повороте они расстались. Под ногами хрустели высохшие, опавшие листья. Запах увядшей природы вливал новые силы. Хотелось нового цветения, новой весны,* через зиму, стужу и будничную творческую работу.